

**ОНИ
ДЕЛАЛИ
ПЛОХИЕ
ВЕЩИ**

ЛОРЕКА.ФОРРИ

ИМ НЕ ИЗБЕЖАТЬ РАСПЛАТЫ

Лорен А. Форри
Они делали плохие вещи
Серия «Best-Thriller»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68616089
Они делали плохие вещи: РИПОЛ классик; Москва; 2022
ISBN 978-5-386-14826-3

Аннотация

В 1994 году шестеро студентов заселились в дом на Колдуэлл-стрит, а через некоторое время один из них был найден мертвым. Обстоятельства смерти неясны – виновный не найден, дело закрыли как несчастный случай.

Спустя двадцать лет пятерку выживших под разными предложениями заманили в полуразрушенный особняк «Волчий вереск» на острове Дун. Отрезанные от внешнего мира, они вынуждены столкнуться с прошлым в игре на выживание. Жизнь или смерть будет зависеть от их выбора. Вопрос лишь в том, признаются ли они в своих преступлениях или унесут тайны прошлого с собой в могилу?

Содержание

Стр. 1-3	5
К сведению всех заинтересованных лиц	5
Пятница	10
1	10
Холлис	10
Стр. 6-15	25
2	54
Лорна	54
Эли	63
Оливер	71
Мэв	77
Вечер пятницы / субботнее утро	95
3	95
Холлис	95
Оливер	104
Мэв	105
Лорна	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Лорен А. Форри

Они делали плохие вещи

Copyright © Lauren A. Forry 2020

The moral right of the author has been asserted

© Богданова Е. Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

* * *

УЛИКИ

Где изъято

Дом «Волчий вереск», остров Дун.

Примечания

Дневник лежал на полке сразу при входе в дом.

Отпечаток ноги на обложке принадлежит офицеру, первым прибывшему на место происшествия.

Недостающие страницы еще не найдены.

Стр. 1-3

К сведению всех заинтересованных лиц

Вы не боитесь совершать плохие поступки. Вы боитесь наказания за то, что совершили их.

«Я – нет», – говорите вы.

Правда?

Ну, хорошо, тогда подумайте вот о чем.

У вас обеденный перерыв. Вам хочется пить, но вы забыли прихватить с собой из дому какой-нибудь напиток. Торговый автомат сломан, а до ближайшего магазина минут пятнадцать ходу. Вы уже и так потеряли десять минут из-за того, что Шейла из бухгалтерии несла всякую чушь о салате из курицы, выращенной на свободном выгуле, – ну никак не могла заткнуться, так что к тому времени, как вы дойдете до магазина, у вас останется всего сорок минут. Даже если вы поторопитесь, у вас будет всего двадцать пять минут на то, чтобы поесть, когда вы вернетесь в офис. Не проще ли схватить с полки бутылку кока-колы и смыться, чем стоять в очереди, ожидая, пока какая-нибудь старушенция расплатится с кассиром монетами в один и два пенса? И тут как раз

молодая мамаша, стоящая за ней в очереди, вспоминает, что ей нужно купить еще одну коробку подгузников. А школьница, которая, скорее всего, должна быть на уроке, слишком занята чтением журнала *Heat*, чтобы продвигаться к кассе.

Не проще ли десять раз взять то, что вам нужно, и выйти из магазина? Конечно, было бы отлично. Но вы этого не делаете.

А почему?

Потому что охранники в магазине погонятся за вами и сделают предупреждение. А то и позвонят в полицию, и полицейские могут обыскать вас, чтобы убедиться, что вы не украли что-то дороже девяноста пенсов. Может быть, вам запретят ходить в магазин или даже арестуют.

Поэтому вы не делаете этого. Но вы бы сделали, если бы могли.

Это всего лишь мелкая кража, скажете вы. Это не серьезное преступление. Это не убийство. Вы бы никогда никого не убили.

(Все думают, что никогда не совершат убийство.)

А я на это скажу: что, даже если бы потом у вас не было проблем?

Вы покачаете головой и начнете рассуждать о морали или заговорите о Боге, для пущей убедительности.

А я спрошу, разве страх осложнений с Богом – это не страх поиметь проблемы? А может, вы атеист и вам наплевать на Бога, но все равно вы говорите, что не стали бы этого

делать.

Почему?

Потому что вы будете чувствовать себя виноватыми, скажете вы. И это чувство вины будет пожирать вас до тех пор, пока вы не начнете отчаянно хотеть, чтобы душевная боль прекратилась. И вы придете с повинной, потому что это не будет наказанием – это будет облегчением.

Полиция скажет вам, что вы не виноваты. Они хотят, чтобы вы в это поверили. Вы молоды и красивы, перед вами весь мир – говорят они вам прямо в лицо. *Вы не виноваты в истории с Каллумом.* Типа, они хотят верить, что в людях есть добро. Им виднее.

Но что, если бы вы могли убить кого-то и не иметь неприятностей? Не чувствовать при этом вины? Что, если бы можно было лишить человека жизни так же легко, как взять кока-колу с полки?

Подумайте об этом.

В самом деле, подумайте об этом.

Я подожду.

У вас ведь есть на уме конкретный человек, правда? Какая-нибудь знаменитость, политик, коллега. А может быть, друг. Тот единственный человек, который заставляет вас думать, что без него мир был бы намного лучше.

Да-а.

Тот самый.

Видите ли, я знаю, о чем вы думаете, потому что в глубине

души – и полиции это известно – людей интересуют только они сами, и больше никто и ничто. Имея выбор, они всегда избирают легкий путь. Путь без вины.

Без боли.

Признайте это. Люди на самом деле не очень приятны.

(Кроме Каллума. Он был хорошим человеком. Может быть, именно в этом он ошибался. Не будь он таким хорошим, может, до сих пор бегал бы по земле.)

Мне всегда было понятно, что люди – дерьмо. Однако только с возрастом мне стало понятно, что существует три вида дерьма. Это выяснилось из истории о призраках. Ну, не о призраках как таковых, скорее о монстрах.

История гласит, что некий шотландский лэрд, владелец поместья в Хайлендс, для охраны своей собственности разводил волчьих собак. Страшные крупные звери с грубой серой шерстью. Когда они ели, шерсть у них темнела от крови. Но они могли быть игривыми и любящими, если добивались своего. Однажды – дело было вечером – к лэрду приехал гость, и в его честь хозяин распорядился приготовить отличную оленину. Чтобы умиротворить стаю, лэрд дал каждой собаке немного мяса со своей тарелки. А гость, проголодавшийся после долгого путешествия, не поделился ни единым кусочком, несмотря на просьбу лэрда.

Наступила ночь, и гость отправился спать, но через некоторое время его разбудило чье-то дыхание рядом с постелью.

Он открыл глаза, чтобы отчитать служанку за то, что она его потревожила, но не глаза служанки он увидел. И прежде чем он успел закричать, стая одним прыжком вырвала прямо из его кишок то, что принадлежало ей.

Так и с людьми.

Люди – это или усталые гости, или часть стаи, или лэрд. Лэрд, по-моему, хуже всех, ведь он знал, что может сделать стая, но пытался ли он удержать ее? Отвлечь ее внимание? Принял ли он меры, чтобы защитить жизнь своего гостя? Нет. В этой истории, которую мне рассказали, он спрятался в доме, больше заботясь о том, что может случиться с ним, чем о том, что может случиться с другим.

И Каллум должен был это знать. Это была история, которую он не раз рассказывал.

Но теперь, полагаю, она моя.

Все это, слово в слово, было отослано мною в «Инвернесс курьер». Они так ничего и не напечатали. Видимо, посчитали, что это «неуместно» для некролога. Теперь я помещаю эту историю в самом начале, потому что хочу, чтобы вы прочитали ее в первую очередь. Прежде чем я расскажу вам, что с ним сделали. Прежде чем я расскажу вам о том, что у меня получилось с ними сделать. Я хочу, чтобы вы поняли, что я знаю, к какому виду из трех я теперь принадлежу. А еще я хочу, чтобы вы задумались над очень простым вопросом.

А кто вы?

Пятница

1

Холлис

Внезапно начавшийся дождь заливал лобовое стекло, заглушая *Bon Jovi*. Холлис Драммонд пытался найти в незнакомой машине рычаг, чтобы включить дворники, и вилял вправо-влево на однополосной дороге. Не желая прекращать жить молитвами¹, он прибавил громкость и запел припев, когда наконец нажал на рычаг. Но в отличие от Томми и Джинны² он не знал, был ли на полпути к цели, потому что его телефон теперь стал не более чем куском черного пластика. Взять напрокат машину без *GPS* для пятичасовой поездки по острову Скай, а затем, перебравшись за полчаса на пароме до почти необитаемого острова, еще минут тридцать добираться до пункта назначения, полагаясь только на телефон, было, пожалуй, не самой умной идеей, подумал он, дергая за провод.

¹ Название песни группы *Bon Jovi* с альбома 1986 года *Slippery When Wet. (Livin' on a Prayer* – «Живем молитвами.») – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Персонажи этой песни.

Зарядное устройство было подключено к телефону, другой конец подключен к машине, но тот не заряжался. Видимо, с тех самых пор, как Холлис взял машину в Инвернесе. Отсоединение и повторное подсоединение ничего не дало. Он подумал, не позвонить ли Линде, чтобы узнать дорогу, но вспомнил, что именно разряженный телефон был причиной, по которой ему нужны указания. Подстраиваясь под ритм ударных, он швырнул бесполезную вещь на пассажирское сиденье. Дорога все равно вела только в одном направлении.

Холлис Драммонд продолжал ехать на север, и фары освещали скалистый ландшафт, похожий на лоскутное одеяло из коричневых и тускло-зеленых оттенков. Сезон пурпурных и желтых цветов вереска и шиповника уже прошел, но Холлису были по вкусу те цвета, что он видел. Они напоминали ему коричневые и серые улицы Манчестера, которые он исходил вдоль и поперек и которые в понедельник увидит уже под новым углом. В эти выходные констеблю Драммонду не придется гладить форму. Новая пара костюмов ждала его вместе с начищенными черными ботинками и красным галстуком с тонким логотипом «Манчестер Юнайтед» – подарком Линды. Возможно, ему просто повезло с делом Маркуса, но он наконец-то добился своего. Парни, конечно, потешались. Холлису Драммонду уже сильно за сорок, дело идет, что там говорить, к пятидесяти. Результаты десятков его экзаменов занимали целый ящик в картотеке – и вот он стал детекти-

вом. Холлис делал вид, что ему это не так уж и важно, шутил, что некоторым людям нужно состариться, как прекрасному вину (или вонючему сыру, брякнул кто-то). Они пытались смутить его, насмехаясь, что его новый напарник, Хан, на десять лет моложе и уже сержант. Если Холлису повезет, болтали они, его повысят до старшего сержанта как раз к тому времени, когда он пойдет на пенсию. Холлис парировал, что Хан добился успеха, потому что он азиат.

Линда сказала бы:

– Папа, это звучит так по-расистски!

Поэтому ей он этого не сказал, хотя сам Хан всегда говорил то же самое. В отличие от Хана, Холлис никогда не умел смеяться над собой. Но он не возражал против шуток про «старика», чтобы скрыть, как он взволнован. И нервничает.

И вот он в своем последнем отпуске перед переходом в отдел уголовного розыска. В сумке у него бутылка «Далмора» и несколько дешевых романов в мягких обложках. У него будет целый уик-энд, чтобы поваляться, в то время как предвкушение понедельника нарастает, как последние несколько дней перед Рождеством. И он все еще не уверен, что заслужил это. Повышение, поездку, все это. В глубине души Холлис считал, что должен был остаться дома. Увидеться с доктором Беваном в последний раз перед началом новой работы в понедельник. Но Линда так гордилась им и так радовалась, что ей удалось устроить этот сюрприз. Он не мог разочаровать ее, хотя инстинкт подсказывал ему с самого Инвернесса,

что лучше было бы повернуть назад.

Он увеличил громкость стереосистемы еще на один уровень.

Уже почти стемнело, но Холлис все гадал, увидит ли до конца выходных одну из тех ярко-рыжих коров, которых так любила Линда.

– Их называют «хайлендские коровы», – сказала она.

Высматривая корову, Холлис едва не въехал в серебристый внедорожник, перегородивший дорогу. Он резко свернул влево и затормозил.

– Черт.

Джон Бон Джови завопил про стальных коней и шесть струн, и Холлис медленно выдохнул, а затем выключил магнитолау. Внезапно наступившая тишина показалась оглушительной. Он поднял взгляд и посмотрел в зеркало заднего вида. Его машина и внедорожник не столкнулись только потому, что внедорожник не двигался. Холлис заметил, что автомобиль поднят на домкрате, но со своего места не видел, чтобы кто-то менял шину. Вытащил из кармана фонарик-брелок и, выскочив из машины, огляделся по сторонам в поисках водителя. Чтобы защититься от дождя, он поднял воротник. В воздухе стоял запах сырой грязи и навоза, струи дождя били в лицо, а в подошвах ботинок тут же застрял мокрый гравий. Хотя Холлис находился за сотни миль от подведомственной ему территории, он не мог игнорировать ту часть своей личности, которая призывала помочь попавшим

в беду, и неважно, отпуск у него или нет. В конце концов, разве не в таких же обстоятельствах он нашел Кэтрин Маркус? Темная ночь, густой туман, и ни одного прохожего.

В машине никого не оказалось, никто не был связан, ничего подозрительного. Двери не были заперты, и водитель оставил ключи на сиденье. Личные вещи отсутствовали, а регистрационный номер свидетельствовал о том, что это арендованная машина, как и его, Холлиса. Ничто не указывало на личность приехавшего на ней сюда и бросившего ее посреди дороги. Машина Холлиса была единственной на пароме. По пути он никого не проезжал, не видел никаких пешеходов. Проверил по привычке, нет ли следов крови или борьбы, но ничего не обнаружил. Монтировка отсутствовала, но в канаве никакого тела не было, насколько Холлис мог видеть. Правда, видеть он мог недалеко.

Он поднес руки ко рту и позвал неизвестно кого, в ожидании ответа слушая, как его голос эхом разносится под проливным дождем. Ответа не последовало. Чем дольше он стоял, тем сильнее промокала под дождем его куртка. Он крикнул еще раз.

Вернувшись в машину, Холлис тряхнул головой, как мокрая собака, и принялся рыться в сумке в поисках подтверждения бронирования.

Дом «Волчий вереск», Бенд, остров Дун, IV55 8GX.

Квадратик карты показывал территорию в десяти километрах вокруг, но когда Холлис в последний раз смотрел в

свой телефон, перед тем как тот отключился, до дома оставалось еще пятнадцать километров. Он отшвырнул бумажку в сторону и завел машину, вглядываясь в горизонт в поисках пропавшего водителя. Телефон пискнул – красный значок батареи засветился, а затем стал черным. Через три минуты заряда уже хватило, чтобы снова ввести адрес в *Google Maps*.

– Вот, давай-давай, дружок.

Холлис ободряюще похлопал телефон, последний раз взглянул на брошенную машину и поехал дальше.

Он снова включил музыку, но больше не подпевал. Не годится оставлять такую машину в уединенном месте, особенно когда единственной вроде бы проблемой была спущенная шина. Каждый раз, когда ему казалось, что он видит движение, Холлис замедлял ход, но по-прежнему ничего не было видно.

Через несколько минут справа показался поворот к дому «Волчий вереск».

Главная дорога исчезла из зеркала заднего вида, когда Холлис поехал быстрее по ухабистой гравийной дорожке, которой, согласно *Google Maps*, не существовало. Синяя стрелка, обозначающая его машину, зависла в серой зоне. Через несколько минут он уже начал думать, что все это розыгрыш, организованный Линдой и ребятами с их участка, но тут за крутым поворотом показался дом. Холлис резко затормозил.

– Черт побери!

Он схватил бумажку с подтверждением, но на единствен-

ной фотографии был изображен арендуемый номер, а не весь коттедж. Вернее, Холлис предполагал, что это должен быть коттедж.

В последний раз, когда он был в отпуске в Бенидорме, его поселили в подвальной комнате отеля «Эль-Что-то-там», пропахшей несвежим пивом и потом. Из клуба наверху доносилась музыка, и она вибрировала у него в матрасе, как непрошенный массажер. Поэтому он ожидал чего-то подобного, может быть, чуточку попримичнее, но в «Волчьем вереске» даже подвал, если таковой имелся, был, вероятно, лучше, чем его собственная квартира. Трехэтажный особняк из кирпича и камня был, конечно, меньше, чем окружающие его горы, но возвышался над местностью как лорд, который, должно быть, когда-то владел им.

Единственный раз, когда Холлис видел такой шикарный дом, был в сериале «Убийства в Мидсомере». Но его восторг ослабевал по мере того, как он подъезжал к дому. Чем дальше Холлис вглядывался в некогда великолепный особняк, тем больше изъянов бросалось в глаза. Потрескавшаяся кирпичная кладка и облезшие оконные рамы, нестриженные живые изгороди и сорняки, пышно произраставшие на клумбах, говорили о многом. По обе стороны от входа стояли разбитые урны, напоминая похоронное бюро.

Когда Холлис остановился у помятого седана «воксхолл», нехорошее предчувствие, появившееся у него на главной дороге, вернулось. Это было то же самое чувство, которое он

испытал, когда заставил Фрэнка Лэндри открыть багажник его «форда фиеста», зная, что найдет там Кэтрин Маркус, связанную, но живую. Лэндри помог поймать не инстинкт, а свойственное Холлису внимание к деталям. «Пуаро без ОКР³» – так однажды охарактеризовал его бывший напарник. Эта способность помогала Холлису запоминать лица, так что попытка Лэндри замаскировать черты лица удалась не лучше, чем ребенку, наряжающемуся на Хеллоуин.

Холлис вышел из машины и устремил взгляд на дом. Неосвященные окна создавали впечатление многочисленных черных паучьих глаз. В конце концов, может быть, он заслужил именно это место.

Из нутра вылетел вымученный смешок. Он на взводе – адреналин и усталость взвинтили его. Вот и все.

Холлис взвалил на плечо сумку и направился в дом.

Вестибюль отгораживал помещение от холода снаружи. Широкая лестница, выстланная красной ковровой дорожкой, вела на второй этаж. Высокий потолок пересекали открытые балки. Слева от главного входа в сложенном из камня камине ярко горел торф, наполняя помещение приятным ароматом, который напомнил о коттедже его прабабушки-ирландки. Перед камином, как пара старых друзей, стояли два мягких кресла. На полу из-под чьей-то забытой дорожной сумки красного цвета натекла лужа.

Справа по коридору Холлис заметил ряд закрытых две-

³ Обсессивно-компульсивное расстройство.

рей, за одной из них слышались приглушенные голоса – тихий спор, как бывало у его родителей, после чего отец в бешенстве мчался к приятелю ночевать.

– Мне все равно почему. Главное, что...

Потный молодой человек с раскрасневшимся лицом, прижав к уху телефон, вышел из другой двери справа и закрыл ее за собой. Высокий и тощий, с копной рыжих волос, он был похож на пугало, явившееся с полей, – пугало в дизайнерском костюме.

– Подожди. Заезжаете? – Он посмотрел на Холлиса. – Драммонд?

– Да, сэр. Как вы узнали?

– Я же экстрасенс, черт побери. Да нет, это шутка, – сказал он в трубку. – Слушайте, приведите свои дела в порядок и... – Молодой человек утомленно поднял глаза к потолку и указал на журнал регистраций. – Распишитесь здесь. Нет, ваша подпись мне не нужна, – сказал он в трубку. – Вы что, совсем идиот?

Холлис нацарапал свое имя, и парень выхватил журнал, прежде чем можно было прочесть другие имена. В «Волчьем вереске» остановились по крайней мере четверо, если только кто-то не записался на предыдущей странице. Возможно, один из них как раз и добирался на том самом поврежденном внедорожнике.

Холлис указал на деревянную табличку на столе.

– Вы и есть мистер Маклеод? На дороге...

– Я что, похож на этого сраного Дугала Маклеода? Да, это я о вас, – сказал он в трубку. – Тут про вас обожатели спрашивают, так что шевелите задницей, чтобы успеть к последнему парому, а не то я расскажу про вашу персону что-нибудь еще.

Парень бросил телефон на стол.

– Давайте-ка я поищу ваш ключ. Он где-то здесь... Тут этим бумажным говном все завалено. Ведь есть же шкаф, черт возьми...

Он смахнул несколько бумаг на пол.

– Вам нужно удостоверение личности?

– Вы говорите, вы Холлис Драммонд?

– Да.

– Этого достаточно. Все, кто должен был приехать на выходные, уже здесь.

– У кого-то из них были проблемы с машиной? Там неисправный автомобиль и...

– Если хотите, можете сами спросить. Они все в столовой, ждут ужина, который я должен приготовить, словно я сраная домохозяйка, потому что нанятая чертова прислуга... – Он поднял вверх ладони, закрыл глаза и глубоко вздохнул, напоминая ребенка, готового закатить истерику. – Извиняюсь, сэр. Небольшая проблема с персоналом. Вот ваш ключ. Комната шесть, верхний этаж.

Комната шесть. По спине Холлиса пробежал легкий холодок.

Из столовой донесся звук бьющегося стекла, жужжание голосов стало громче.

– Полагаю, мне придется пойти посмотреть, что там происходит.

Молодой человек поспешил в столовую, и, прежде чем за ним закрылась дверь, Холлис успел мельком увидеть светло-волосую женщину, обхватившую руками голову. Он не видел ее лица, но что-то в ее позе вызвало у него смутное воспоминание, да еще и этот светло-голубой кардиган... Липкий зеленый ковер и запах жареной курицы. Он пристально посмотрел на ключ в руке, затем на дверь. Нет, он просто параноик. Никого из постояльцев он не может знать.

Холлис начал подниматься по лестнице.

Затекшая после долгой дороги спина ныла, пока он поднимался в свой номер на третьем этаже. Красная плюшевая дорожка вела налево по коридору, где в темно-бордовых стенах можно было разглядеть закрытые двери, окрашенные в темно-коричневый цвет. Справа провисшая, потрепанная веревка отгораживала коридор, заставленный накрытой простынями мебелью. На веревке висела табличка, написанная от руки с ошибками: «Закрыто на ремонт».

Холлис пошел по ковру дальше.

Единственное, что отличало дверь его номера от других, – латунная цифра «6», поблескивавшая в желтом свете настенного бра. Отпирая замок, Холлис представил, как изнутри вырывается холодный воздух, принося с собой пыль и запах

затхлости. Но когда дверь беззвучно открылась, он почувствовал приятный аромат, который, как он понял, исходил от штепсельного ароматизатора, установленного рядом с кроватью.

Интерьер соответствовал тому, что Холлис видел на фотографиях на сайте. Стены оказались того же бордового цвета, а покрывало с огуречным узором на кровати наводило на мысль о его многолетнем использовании. Письменный стол, офисное кресло с высокой спинкой и прикроватная тумбочка дополняли обстановку, но предметы мебели не сочетались друг с другом, как будто их наскребли по одному со всего дома. Пройдя в ванную, Холлис подумал, что совершил путешествие во времени. Небольшая ванная комната была отремонтирована и оснащена современным душем, белой керамической раковиной и водосберегающим унитазом. Стены облицованы черной плиткой, пол выложен серым сланцем.

Вернувшись в спальню, Холлис собрался написать Линде эсэмэску и сообщить, что благополучно прибыл, но его телефон снова разрядился. Чтобы поставить его на зарядку, он отключил освежитель воздуха, вставил вилку в розетку и принялся рыться в сумке в поисках парацетамола. Сначала ему попался «Далмор».

– Только не выпей весь за один уик-энд, – рассмеялась Линда, протягивая ему бутылку.

Складным ножом Холлис отрезал от горлышка бутылки открытку. Его жизнерадостно приветствовали смешные ка-

ракули: «Поздравляю, папа!» Линда так гордилась им. Ее восхищение причиняло боль – он считал, что не заслуживает этого.

Холлис подбросил бутылку в руках и хотел уже налить себе, но передумал. Если он начнет пить сейчас, то потом может не остановиться. Лучше позже, на полный желудок и с ясной головой. Пошлет Линде свою фотографию со бокалом. Может быть, воспользуется одним из тех дурацких фильтров, которые она установила на его телефон. Он засунул ее записку в нагрудный карман рубашки.

Снаружи бушевал ветер, с яростью бросаясь на дом. В холодном коридоре пахло псиной. Холлис расправил манжеты рубашки, предвкушая теплый огонь внизу, и тут позади него раздался стук. Ничего такого, вокруг закрытые двери, но ощущалась тяжесть чьего-то присутствия.

– Эй! – крикнул он, предполагая напугать всех, кто мог находиться поблизости. Но в ответ слышались только завывания ветра.

Холлис подождал еще несколько секунд, а затем с усилием отогнал параноидальные мысли. Может, стоило сначала выпить, подумал он.

Внизу никого не было. Холлис поднес руки к огню, вдыхая запах горящего торфа и наслаждаясь покоем, невозможным в Манчестере. Но покой тут же и закончился, потому что разговор на повышенных тонах за дверью столовой перерос в полноценное препирательство. Только этого не хва-

тало. Домашнего скандала, в котором ему придется играть роль миротворца. Холлис остановился у двери, готовясь к своей роли полицейского.

– Ссоры всегда преследуют меня, Линда, – сказал он однажды.

– Папа, ты так говоришь только потому, что ты полицейский. То, что ты считаешь ссорами, нормально для других.

Но когда Холлис открыл дверь столовой, он сразу понял, что они оба ошибались. Тут не было ничего нормального. И это было хуже, чем просто ссора.

Крики прекратились, как только он вошел, причем четверо гостей казались гораздо менее удивленными, чем он сам. Холлис фиксировал одно за другим каждое лицо, имена всплывали у него голове, как будто он разговаривал с этими людьми вчера, а не двадцать лет назад.

Мэв Окафор. Мокрые вьющиеся волосы, как птичье гнездо, облепили ей голову. Джинсы на размер меньше, джемпер на два размера больше, балетки в грязи.

Элеонор Хант. Тонкая, спортивная фигура, длинные светлые волосы подрезаны так ровно, что казалось, коснись – и поранишься.

Оливер Холкомб. Черная кожаная куртка и толстовка с капюшоном – эта одежда скорее подойдет человеку лет на десять, а то и на двадцать моложе, – пивное брюшко и уже намечающаяся лысина.

Лорна Торрингтон. Разумной длины юбка и водолазка, об-

тягивающая большую грудь, все тот же черный боб обрамляет лицо.

Лорна отбросила челку с глаз, и внезапно Холлис снова... снова оказался в этой комнате, в этом доме, с этими людьми и с этой тянущей тревогой в животе, которая побуждала его бежать. Бежать немедленно, как можно быстрее и дальше.

Стр. 6-15

Мне нужно рассказать вам кое-что. Эта история – из воспоминаний. Моих и их. Так что, возможно, я не совсем верно передаю детали и что-то перепутала. Но я делаю все, что могу. Клянусь.

Эта история начинается с дома. Или, вернее, с перекрестка. С одной конкретной развязки в один конкретный день в начале сентября 1994 года.

Читайте внимательно.

Пять ничем не примечательных улиц отходили от бетонного островка в центре кольцевой развязки Мэнор-Сёркл, которую на этом берегу Темзы можно обнаружить только случайно. Ни на одной из этих улиц не было ничего похожего на поместье⁴. Чилтерн-Драйв вела к магазинам, торгующим едой и алкоголем навынос; они бывают открыты, когда в них нет никакой нужды, и закрыты, когда они нужны. Сэндэл-роуд изгибалась к железнодорожной станции, где высаживались туристы, чтобы посетить обветшавшую центральную улицу и купить товары по завышенным ценам в пустующих магазинах домашней утвари. На станции находился паб «Байвэйс», который по субботам превращался в ночной клуб. Каждый месяц его закрывали, когда полиции прихо-

⁴ *Manor Circle (англ.)* – Усадебный круг.

дилось расследовать очередную поножовщину. Берри-авеню вела к черному входу университета Кэхилла; о существовании этого входа студенты не знали и никогда им не пользовались.

Колдуэлл-стрит не вела никуда.

Асфальт, покрывающий ее тротуары, вспучился, по обеим сторонам теснились приземистые трехэтажные семейные дома, купленные пару десятилетий назад парами, ожидавшими ребенка, – они надеялись попасть в программу восстановления зоны Моксли-Гарденс. Дети родились, выросли и теперь сдавали экзамены в университеты, а их стареющие родители продолжали ждать, когда Моксли-Гарденс наконец поднимется и возродится. Тем не менее большинство домов на Колдуэлл-стрит оставались достаточно приемлемыми для публики, обладающей определенной иронической восприимчивостью.

Другое дело дом номер 215. Его фасад покосился больше, чем у соседних домов. От сырости покорежились оконные рамы, а забор накренился настолько, что едва не падал. Главное же отличие дома номер 215 состояло в том, что его заросший сорняками палисадник до сих пор не был заасфальтирован под придомовую парковку. Однако именно недостатки дома номер 215 на Колдуэлл-стрит как семейного жилья делали его роскошным студенческим общежитием (пока через несколько лет пожар неизвестного происхождения не уничтожил его, но мы еще до этого не дошли – не будем забегать

вперед).

Благодаря близости к университету и отличному транспортному сообщению с Лондоном (отличному до тех пор, пока погода не была снежной, дождливой, ветреной или солнечной), дом номер 215 очень привлекал студентов. На трех узких этажах располагались шесть спален, одна ванная комната, и иногда работал туалет внизу. В доме также имелась запасная комната, кухня и общая гостиная. Позади дома был сад, великолепно подходящий для барбекю, но не в весенне-летний период, когда он подвергался затоплению сточными водами.

Хозяин дома не появлялся в нем с тех пор, как пятнадцать лет назад жена бросила его вместе с долгами по ипотеке. Он передал дом в аренду, и в управлении *Jameston Estate Agents* за него стал отвечать человек по имени Янни, хотя никто не был уверен, что этот Янни все еще работает там. Поскольку домовладелец решил не вывозить всю ту дрянную мебель, которую его бывшая жена купила у своего брата-алкоголика, дом был полностью меблирован. Со временем его наводнили брошенные вещи предыдущих жильцов: кофейники, чайники, три микроволновки (одна из которых работала), учебник «Испанский сейчас!», VHS-кассета и виниловая пластинка с записью саундтрека к фильму «Бриолин».

Заселяясь, никто из студентов толком не знал, что там есть из вещей, а что они должны привезти с собой, так как контрольный список для въезда и выезда имелся толь-

ко у Янни, а о нем его коллеги уже начали думать, что иммиграционная служба выслала его обратно на Украину. И все же каждую осень все комнаты в доме номер 215 на Колдуэлл-стрит сдавались, потому что университет продолжал принимать студентов, а студентам нужно было где-то жить. Совместное проживание было идеальным вариантом для тех, кто предпочитал частное жилье без уединенности и постоянный запах псины в смеси с дымом от травки. В свою очередь, агенты по сдаче квартир любили студентов, потому что те никогда не жаловались, если дверь не запиралась, детектор дыма не работал или на стене одной из спален было пятно, подозрительно похожее на кровь. Пока у студентов была вода и работающая микроволновая печь, все остальное они относили к неизбежному жизненному опыту, а после майских экзаменов возвращались в неизменно заботливое лоно семьи. Затем наступала осень, и к сентябрю очередные шестеро молодых людей начинали считать дом номер 215 на Колдуэлл-стрит своим собственным, убеждая себя в том, что недостатки составляют шарм дома и страдать в этих стенах нет особых причин.

Начало конца общежития в доме номер 215 положил тот момент во второй половине сентябрьского дня, когда автомобиль «форд эскорт» ударился о бордюр тротуара и со стуком остановился. Пока двигатель сбавлял обороты, под капотом слышались хруст и щелчки.

– Значит, это здесь? Холлис. Холлис!

Мать пихнула его локтем в бок, Холлис проснулся и быстро схватил свой рюкзак, пока тот не упал на заляпанный жвачкой пол. Он взглянул в окно, не понимая, почему мимо не проносятся деревья.

– Это здесь? – спросил он, выпрямляясь.

– А я тебя о чем спрашиваю?

Мать закурила, и Холлис протянул руку за сигаретой.

– А твои где?

«Смялись в заднем кармане джинсов», – подумал он и вышел. Мать щелкнула кнопкой багажника, и Холлис для верности стукнул по двери кулаком, чтобы та открылась. Он достал брезентовую сумку и дешевые полиэтиленовые пакеты на молнии розового цвета, которые дала ему бабушка и которые он собирался как можно быстрее сжечь.

– Давай-ка быстрее, дорогой.

Зажав сигарету между зубами, мать вытащила из-за сиденья пластиковый пакет *Tesco*.

Номер 215 по Колдуэлл-стрит – его дом на ближайшие девять месяцев – выглядел именно так уныло, как и преждедадо агентство по сдаче жилья. Если бы фасад заново покрасили, дом смотрелся бы повеселее, но было ли это кому-то нужно – другой вопрос.

Холлис открыл обшарпанную зеленую входную дверь; мать тащилась за ним.

– Не понимаю, почему ты не мог пойти в политехниче-

ский институт, как твой брат. Там было неплохо и ему, и твоему отцу. – Она запыхалась и тяжело дышала.

– Не знаю.

Холлис вошел в темное помещение.

– Есть тут кто-нибудь?

Ответа не последовало.

– Симпатично, – проговорила мать и прошла вперед, переваливаясь с ноги на ногу. – Посмотри, какая гостиная. Больше, чем у бабушки. А где кухня? А, вижу.

Она пошла дальше по узкому коридору.

– И там есть сад! Ты ведь ничего не говорил нам о саде, а, Холлис? Не мешало бы в этом саду поработать. Интересно, разрешат они тебе сделать там что-нибудь вместо арендной платы?

Холлис поднялся наверх. От покрытой ковром лестницы исходил затхлый запах, на поверхность перил налипла черная пыль. Но к агентству не могло быть претензий. Они не обещали профессиональную уборку, только упомянули, что она «может быть проведена».

Каждая комната запиралась своим ключом, но агент не знал, какой ключ подходит к той или иной двери, поэтому вручил Холлису наугад один, достав его из коробки каши быстрого приготовления *Quaker Oats*. Ключ подошел к комнате номер шесть на третьем этаже – квадратной, выкрашенной в белый цвет. На потолке виднелись желтые разводы, стены были загажены липучкой *Blu Tack*. Шкаф занимал по-

ловину стены и половину площади пола. У противоположной стены стояла простая пружинная кровать, на которую были брошены тонкая подушка и еще более тонкое одеяло. Холлис поставил на пол рюкзак и выглянул в заросший зеленью сад, где его мать уже занялась расстановкой разрозненных предметов мебели, чтобы выглядело как у бабушки. Он постучал по стеклу, но она не услышала.

Перетащив розовые пакеты, Холлис заглянул в узкую кухню, и как раз мать вошла туда из сада.

– Неплохое место, – сказала она. – Могло бы быть очень симпатичным. А когда приедут остальные?

– Не знаю. Сегодня или завтра. Неделя новичков начинается в понедельник.

– Ты же не новичок, правда? – Она подмигнула.

– Формально, наверное, все-таки новичок.

На квадратике коричневой напольной плитки засохло пятно красного цвета. Соус, хотелось надеяться.

– Не выдумывай, пожалуйста. Не вешай нос! – Мать распрямила ему плечи и вздернула подбородок. – То место тебе не подходило. Там тебя не уважали, правда? А здесь тебе будет хорошо. Лучше.

– Ага.

– А ну-ка, улыбнись. Вот умница. Подожди минутку.

Она оставила Холлиса одного в кухне. Пожелтевший холодильник защелкал, магнит в образе Зигги Стардаста⁵, ко-

⁵ Зигги Стардаст – человекоподобный марсианин, придуманный Дэвидом Бо-

торый держал меню пиццы навывнос с купонами трехлетней давности, завибрировал.

– Вот, это тебе.

Вернувшись, мать протянула ему полиэтиленовый пакет.

– Что это?

– Открой и посмотри.

Холлис поставил пакет на ламинированную столешницу. Что-то звякнуло, и он поморщился. Внутри оказались совершенно новая сковородка и электрический чайник.

– Не могу же я допустить, чтобы ты остался без жареной картошки по утрам. Нет лучше средства от похмелья, правда?

– Мама, ты не... здесь есть чайник.

Он показал на стоящий на кухонном столе пластмассовый электрический чайник. Сквозь голубое окошко в нем виднелась накипь.

– Ты достоин своего собственного чайника. Держи его в чистоте. Я не хочу, чтобы по бокам он покрылся грибком. И после того, как ты вымоешь чайник и сковороду, они должны вернуться в твою комнату. Они не для других, понял? Они твои.

Мать обняла его. Когда он неловко обхватил ее за массивные плечи, оказалось, что ее голова едва достает ему до груди.

– Ну ладно, хватит. – Она отстранилась. – Пора ехать. Папе нужна машина для бинго. Я видела шлюшку на дороге, рядом с кольцевой развязкой. Как следует поешь сегодня.

– Да, мам.

Он проводил ее до двери.

– А, вот еще что.

Она вложила ему в руку пачку сигарет.

– И ни в чем себе не отказывай.

Мать снова подмигнула и вперевалку побрела к «форду». Дойдя до машины, она уже задыхалась.

– Позвони нам завтра! – крикнула она, внезапно охрипнув. – Дай знать, как ты.

– Ага!

Холлис помахал рукой, глядя, как машина неуклюже разворачивается, и вслушивался в тарахтение мотора, пока оно не затихло вдали. Улица погрузилась в тишину, усилившуюся, когда он закрыл входную дверь. В доме царило безмолвие, незнакомое человеку, живущему с тремя братьями, мамой, папой и бабушкой в двухэтажном маленьком доме с одной ванной.

Он отнес новый чайник со сковородкой в свою комнату и положил их на шкаф. Из внешнего кармана рюкзака достал смятую брошюру «Неделя новичков», плюхнулся на кровать и головой уперся в стену. Впереди ожидалось много всего интересного – вечеринки, пирушки в пабе, пикники. Скушать точно не придется. А значит, и такой тишины уже не

будет.

Холлис вытащил зажигалку и открыл распечатанную пачку сигарет, которую передала ему мать. И только тогда заметил внутри двадцатифунтовую купюру.

Вскоре после того, как Холлис засунул банкноту в бумажник, к дому номер 215 подошла Лорна Торрингтон. Вода ручьями стекала у нее по спине, челка прилипла ко лбу, а из-под мышек доносился слабый запах пота. После пешей прогулки с вокзала с багажом в руках она совершенно измучилась, но вид здания настолько поразил ее, что она в сердцах бросила сумки себе под ноги.

– Черт!

На фотографиях, полученных из агентства, не было видно ни подтеков на крыше, ни растрескавшихся ступенек, ни забитых грязью водостоков.

Лорна прислонилась к столбу. Не вернуться ли к ним, чтобы потребовать отмены договора? Но когда в онемевшие плечи и руки вернулись силы, она решила, что уж лучше остаться в этой богом забытой дыре, чем ночевать на улице или возвращаться запутанным маршрутом на поезде обратно к родителям.

Может быть, внутри будет лучше.

Она начала перетаскивать сумки к входной двери, которая, как оказалось, открывалась без ключа, хотя и со скрипом.

Потрясающе удачное начало.

Лорна пнула ногой дверь и перенесла одну сумку через порог.

Она просила комнату на самом верхнем этаже, желатель-но в углу, где было бы поспокойнее, и, конечно, оказалось, что у нее ключ от комнаты на втором этаже и прямо напро-тив ванной. Но, может быть, если кто-то из соседей поддаст-ся на уговоры, получится поменяться с ним или с ней. Пока же придется пожить здесь, среди обшарпанных белых стен. Из мебели в комнате были кровать с металлическим кар-касом, хлипкий тканевый шкаф и поцарапанный письмен-ный стол, на котором красовался розовый стикер с надписью *Don't Worry, Be Happy!*⁶. Лорна скомкала стикер и выбросила его в мусорное ведро.

Спустившись вниз, она с опаской бросила взгляд в сторо-ну кухни, ожидая увидеть худшее, и заметила кого-то в саду. Парень в мешковатом балахоне и рваных джинсах сидел на трехногом шезлонге и старался поджечь розовый пакет.

Она сложила руки на груди и прислонилась к дверному косяку.

– Эй, что ты делаешь?

– Ничего.

Парень выронил зажигалку.

– Холлис, – назвал он себя.

– Ты любишь жечь вещи, Холлис?

⁶ Не волнуйся, будь счастлив! (англ.)

Парень пожал плечами.

– Ты правильно делаешь, что занялся этим снаружи. Я не стала заморачиваться со страховкой и не хочу, чтобы все мои вещи сгорели.

Он снова пожал плечами.

Лорна решила, что на этом его коммуникативные способности исчерпаны, и повернулась, чтобы войти в дом.

– Эй! Как тебя зовут?

Она не ответила. Перенесла оставшиеся вещи в комнату, заперла дверь, достала книги и текстовый процессор. Потом попробовала включить маленький телевизор, но он не включался. Вообще ни одна розетка в комнате не работала.

– Ну и дыра!

Лорна позвонила в агентство с внутреннего телефона и долго слушала гудки.

– Ну, конечно.

Вернувшись в комнату, она распечатала конверт, который мама передала ей перед отъездом. На колени упали шестьдесят фунтов и фотография ее шпица, Альфи. На обратной стороне фотографии мама написала: «Он уже скучает по тебе!».

Лорна посмотрела на улыбающуюся мордочку любимца и затосковала. Альфи понравился бы этот садик, но на домашних животных был запрет. Скорее всего, ради их собственной безопасности. Если судить по парню в саду, соседи могли бы поджечь песика или накормить его пивом с чипсами.

Нет уж, пусть остается дома без нее, под присмотром мамы и папы. Они позаботятся о нем, хотя это означает, что она не увидит, как Альфи уютно лежит на кровати или сидит у ее ног, пока она дописывает очередное эссе.

Лорне не сиделось на месте, и она снова проверила розетки, потом пощелкала выключателями. Электричества не было. Она уже отперла дверь, собираясь найти все-таки агента по недвижимости, когда снизу донеслись оживленные голоса. Лорна отступила назад в комнату и закрыла дверь. Голоса становились громче, а она сидела на кровати, смотрела на фотографию Альфи и мечтала, чтобы в доме стало тихо.

Может, она и насладились бы тишиной, если бы не Элеонор Хант, которая, как только ее отец припарковал «ровер» у дома номер 215, радостно заверещала: дом просто чудесный, и все в нем замечательно, абсолютно все, от низенького крашеного забора до узоров на оконных рамах.

– Ты уверена, что это здесь, малышка?

– Колдуэлл-стрит, номер 215, – прочитала Элли на листке, где был записан адрес. – Ой, папочка, как здесь чудесно!

– Здесь действительно неплохо, – согласился отец.

Ее сандалии зашлепали по тротуару, и новая обитательница дома номер 215 вбежала в прихожую.

– Здравствуйте!

Свет проникал откуда-то из задней части дома, но в гостиной стоял полумрак. Элли раздвинула выцветшие красные

шторы, впуская солнце внутрь. В воздухе заплясали пылинки. В лучах света продавленный розовый диван стал похож на улыбку, а бледно-желтая краска стен – на восход солнца. Элеонор провела пальцами по покрытой пылью каминной полке над заложенным кирпичом газовым камином. Когда вошел отец с первым из ее чемоданов, Элли перепрыгнула через ковер и схватила его за руку.

– Все в точности как на фотографиях!

– Так оно и есть.

Он поцеловал ее в макушку.

– Иди и найди свою комнату, дочка. Не стоит оставлять вещи у всех на виду.

Элли поспешила наверх и стала стучать в каждую дверь, вместо того чтобы попробовать вставить свой ключ.

– Что такое? – гавкнул женский голос из комнаты напротив ванной на втором этаже.

– Привет! Меня зовут Элеонор, но ты можешь звать меня Элли. Я твоя новая соседка.

– Я занята.

– Конечно, конечно! Извини за беспокойство. Мы поболтаем позже! Папа, здесь еще одна девушка!

Элли немного задержалась, ожидая, что незнакомка откроет дверь. Но дверь никто не открыл, и она пошла по лестнице на третий этаж, где воняло жареной курицей и картошкой. Источник запаха находился в комнате в конце коридора. Дверь была открыта, и она увидела парня; он сидел на кро-

вати с наушниками на голове и листал журнал, между колен зажата коробка с готовой едой. На стене криво висел плакат группы *Bon Jovi*.

Заметив Элли, парень вытер руки о джинсы и снял наушники.

– Привет, – сказал он.

– Привет! Я – Элли, – представилась она.

– Холлис.

Элли топталась в дверях, не зная, что еще сказать. Парень с набитым курицей ртом ждал, что она снова заговорит. Тишину нарушило пыхтение – на этаже появился отец с чемоданом в каждой руке.

– Нашла, малышка? Добрый день, – сказал он, заметив Холлиса.

– Давайте помогу.

Холлис спрыгнул с кровати и взял у него один чемодан. Элли заметила, что пальцы у парня блестят от куриного жира, но решила промолчать.

– Очень любезно с твоей стороны. Элеонор, дорогая, найди, пожалуйста, свою комнату.

– Ой, да. Извини, папа.

Ее ключ открыл дверь слева от комнаты Холлиса.

– Смотри-ка! Мы соседи.

Холлис пожал плечами. Отец нахмурился.

Элли захлопала в ладоши. Комната оказалась больше, чем она представляла. На окнах засохли грязные потеки, но из

них открывался вид на очаровательный садик. Кремовый ковер был весь в пятнах непонятого происхождения, но она положит половичок, чтобы закрыть их.

– Думаю, ты взяла с собой слишком много вещей, – заметил отец, когда Холлис внес чемодан.

– Не глупи, папочка. Тут понадобятся несколько подкроватных коробок и несколько ящиков. И мы упаковали тканевый шкаф, да? Как ты думаешь, если я попрошу, агентство разрешит мне повесить пару полок?

– Ладно. – Отец посмотрел на часы. – Давай уж принесем все остальное. У твоей сестры сегодня спектакль. Мама будет недовольна, если я опоздаю.

Когда коробки и сумки были перенесены, Элли спустилась за отцом вниз, чтобы проводить его.

– У тебя все есть? – спросил он. – Ключи?

– Да, папочка.

– Кредитная карточка?

– Да.

– Которая для...

– Только для экстренных случаев.

– Позвони маме или мне, если тебе что-нибудь понадобится.

– Позвоню, папочка.

– Тогда хорошо. Старайся, учись. Будь умницей.

– Буду.

Посигналив, он уехал, а Элли махала рукой вслед, пока

машина не скрылась из виду.

Оставшись одна на незнакомой улице, она почувствовала, как по коже побежали мурашки. Ну что же... Потерла руки, чтобы согреть их, и вернулась в дом.

Дверь в комнату Холлиса была закрыта. Элли подняла руку, чтобы постучать, но тут же опустила и пошла к себе. Заваленная чемоданами, сумками и коробками, комната теперь уже не казалась такой большой и с каждой распакованной сумкой продолжала уменьшаться. Половина привезенных из дома вещей была неизвестно где. Другая половина валялась под ногами и мешала. В полном отчаянии Элли пинком отправила любимого плюшевого мишку через всю комнату и зарыдала в подушку. Потом, глубоко вздохнув, села на край кровати, пригладила выбившуюся прядь волос и уставилась на катастрофический беспорядок вокруг, не представляя, что делать.

Пока Элли ждала, когда ее спасут от одиночества, на улице рядом с тротуаром с визгом остановился *BMW*. Оливер Холкомб выскочил из машины чуть ли не раньше, чем заглушил двигатель. Осмотрев дом сверху донизу, он швырнул окурок на асфальт.

– У-у... Обосраться, какая красота.

Парень схватил сумки, готовясь занять свою территорию, но, пройдя два шага от двери, остановился от тошнотворного запаха смеси лимонного ароматизатора с отбеливателем.

Стильная блондинка, наклонившись, протирает плитку.

– Об услугах горничной не упоминалось.

– Ой! – Она уронила тряпку. – Просто мне стало скучно ждать остальных. Моя мама всегда, когда ей скучно, убирается, так что я, наверное, становлюсь как мама, и это будет страшным сюрпризом для нее, я уверена, и...

– Это здорово. Оливер.

Настороженность в глазах девушки растаяла.

– Элли.

– Итак, Элли, теперь, когда ты навела в доме порядок, как ты смотришь на то, чтобы устроить маленькую вечеринку сегодня вечером?

– Я не...

– Отлично. Назначим на десять. Люди соберутся в одиннадцать или одиннадцать тридцать. Если бы ты захватила чипсы, пиво или что-то еще в этом роде, было бы замечательно. Наверху есть туалет?

Элли кивнула.

– Этажом выше, первая дверь справа. А с другой стороны холла есть еще одна лестница, которая ведет на последний этаж, там моя комната. Там еще один парень живет. Его зовут Холлис, и он помог донести мой багаж...

– Супер!

Оливер взмахнул рукой, и Элли замолчала. Он побежал вверх по лестнице, одновременно прикидывая, дает ли явная неуверенность Принцессы Трещотки шанс на успешное пре-

следование. Но сначала нужно посмотреть, кто другие соседки. Ого, еще одна – из ванной комнаты вышла коротко стриженная брюнетка. И какое вымя, а!..

– Привет. – Он прислонился к стене. – Я...

– Я прекрасно знаю, кто ты. Перестань пялиться на мою грудь.

Она исчезла в комнате напротив.

– Лесби...

Оливер пинком закрыл дверь в ванную, расстегнул молнию и, наконец, облегчился. Он терпел с самой трассы А25. Запрокинув голову, уставился на скопления черной плесени на потолке и удовлетворенно выдохнул. Стряхнул последние капли, застегнул молнию и пнул ногой выкрашенную в белый цвет фанеру, которая закрывала борт ванны.

– Дешевое дерьмо.

К досаде Оливера, его комната находилась рядом с ванной, сразу за спальней Грудастой Суки. Ковер был настолько тонким, что его могло бы и не быть вообще, а светло-голубые занавески, перешитые из старых простыней, не задерживали свет. Кровати не было вообще, только матрас на полу. В целом комната гордо заявляла: «Да пошел ты...» Оливер произнес то же самое вслух.

Бросив сумку у двери, он плюхнулся на матрас. Черная плесень скопилась в углах и здесь. Если прищуриться, выглядело как рисунок на обоях. Может, все обойдется, подумал он, закуривая сигарету.

Идею об отсутствии кровати можно продать как новомодную чушь о свободной любви хорошеньким молоденьким цыпочкам, за которыми он приударит на Неделе новичков. Плесень можно прикрыть плакатами. Да, с плесенью он справится, но вот матрас будет вреден для его спины. Так бы сказал его физиотерапевт, подумал Оливер, пытаясь выпрямить правое колено. Не проблема, позвонит матери, скажет ей, какой размер и дизайн кровати ему нужен и когда хотелось бы ее получить. Сейчас маман дремлет у колыбельки его сводной сестры, но звонок разбудит ее.

Оливер поднялся, здоровой ногой отпихнул сумки к стене и переоделся в чистое. До вечеринки полно дел, и самое главное – найти людей, которых можно пригласить. Он схватил бумажник и вышел. В холле встретил парня в капюшоне, от которого несло жареной курицей. *Из каких же трупп ты явился?*

– Оливер.

– Холлис.

Они пожали друг другу руки.

– Как насчет вечеринки сегодня? – поинтересовался Оливер.

– Классно. Карлинг?⁷

– Ну да.

Кивнув, Холлис двинулся дальше, закуривая.

Так, с Труппами порядок, решил Оливер. С телефона

⁷ Carling – сорт английского пива.

внизу он позвонил домой. Молчок. Повесил трубку, потом попробовал еще раз. То же самое.

– Ну и ладно.

Есть дела поважнее, решил он, рысью выбегая из дома. Не нужна ему эта чертова кровать.

К сумеркам две комнаты все еще оставались пустыми. Однако вечеринка, устраиваемая Оливером, так заняла мысли всех заселившихся, что они и не думали о том, что кого-то, возможно, не хватает. Но для Мэв добраться до дома было главной целью.

– Сюда! Сюда! Нет, поверни здесь!

– В какую сторону?

– Туда, куда я показываю!

Они дважды объехали кольцевую развязку. Мэв так крепко вцепилась в дорожную карту, что бумага могла порваться. На заднем сиденье постанывал ее младший братец – Макса тошнило.

– Вон Колдуэлл-стрит. Там! – Она махнула рукой, и мать резко свернула налево. Машину дернуло.

– Осторожно!

– Эта улица плохо освещена, – сказала мать.

– Если бы мы выехали вовремя, это не имело бы значения.

– Я говорила тебе, что надо закончить сборы вчера вечером, а не дожидаться утра.

– Вообще-то я стояла у машины и ждала, когда мы поедем.

Это ты топталась в доме.

– Это здесь? Не сказать, что безопасно, на первый взгляд.

Из окон доносились глухие удары музыкальных басов.

– Это здесь. Я возьму вещи, и можешь ехать.

Мэв отстегнула ремень безопасности.

– Я должна зайти в дом, – упорствовала мать.

– Не нужно.

– Мэв.

Братец схватился за спинку сиденья:

– Я хочу в туалет.

– Твоему брату нужно в туалет. Мы зайдем.

– На дороге есть бензоколонка!

– Поторопись, Макс.

– Вот так, да?

Мэв рывком вытащила свои вещи из багажника. С сумкой в одной руке и с коробкой в другой она поспешила к входной двери, опередив мать и брата. На стук никто не ответил.

Она постучала еще раз. Дверь открыла очаровательная белокожая девушка с длинными светлыми волосами.

– Привет! Ты на вечеринку?

– Ну, типа того. Предполагается, что я здесь буду жить.

– Ой, это замечательно! Я тоже здесь живу!

Девушка обняла Мэв и потянула в дом.

– Меня зовут Элеонор, но ты можешь звать меня Элли.

Оливер – он тоже живет с нами – решил, что мы должны отпраздновать новоселье.

Элли потащила ее в переполненную гостиную. Мэв почти ничего не слышала из-за музыки, но заметила на полу ка-
льян, от которого поднималась струйка дыма.

– Все внимание! Это Мэв! Она будет жить здесь!

Несколько рук поднялись в знак приветствия. Кто-то уже
вырубился на потрепанном пастельно-розовом диване. Пу-
стые банки из-под пива были сложены перед замурованным
газовым камином.

– Ты нас здесь бросишь?

Мать с вещами вошла в холл.

– Мама, подожди.

– Я хочу писать!

– Твоему брату нужно в туалет. Где... Ох. Здравствуйте.

Те же руки снова поднялись, приветствуя мать Мэв.

– Здравствуйте! Меня зовут Элли!

– Мне. Нужно. Пописать. Пописать!

Макс топнул ногой.

– Привет, малыш. – Элли улыбнулась. – Работающий туа-
лет наверху.

Макс убежал. Мать Мэв старалась не смотреть на компа-
нию нетрезвых студентов.

– Мэв, я начну заносить наверх твои вещи.

– На верхнем этаже, напротив моей, есть свободная ком-
ната, – сообщила Элли.

– Спасибо. – Мэв поспешила за матерью.

– На вид вроде бы милая девушка.

– Это же просто вечеринка, мам.

– Я ничего не сказала.

– Я вижу по твоим глазам.

Они поднялись по лестнице.

– Завтра первым делом пойдешь и заберешь ключи у агента.

– Да, мама.

– Нужно уметь входить и выходить из дома, где живешь.

– Я знаю, мама.

– Зачем они так громко заводят музыку? Когда я была в...

Макс бросился к ним и чуть не сбил Мэв с ног.

– Осторожно!

– Девушка у туалета зашипела на меня, – пожаловался он.

– Ты, наверное, это заслужил.

– Помягче, Мэв, он все-таки твой брат. Ну и где эта комната?

Комната под номером четыре, расположенная на третьем этаже, была огромной. Мэв не могла поверить своему счастью. В два раза больше ее комнаты дома, окна выходят на улицу. Внизу стояла их машина. Багажник и пассажирская дверь остались открытыми. Мать прищелкнула языком.

– Надеюсь, ничего не украдут.

– Кто может что-то украсть? Там никого нет.

– В темноте кто угодно может. Давай перенесем остальные вещи.

Вещи выгрузили за десять минут, но ее семейству пона-

добилось не меньше четверти часа, чтобы уехать. Мать никак не могла прекратить раскладывать вещи и переставлять то небольшое количество мебели, которое имелось в комнате. При этом она все время жаловалась на шум. Хотя Мэв уверяла ее, что все в порядке, мать не хотела уезжать до тех пор, пока дочь не пообещала приехать домой в следующие выходные.

Когда мать с братом ушли, Мэв осталась в своей комнате, прислушиваясь к музыке, доносившейся снизу. Комната была удобной, уединенной и полностью принадлежала ей. Все говорило о том, что можно расслабиться, что теперь она свободна и независима и впереди ее ждет яркий год. Однако Мэв сосредоточилась на другом. Она решила переодеться, прежде чем спуститься вниз, но никак не могла найти подходящий наряд. Одно платье было слишком официальным. Другое – слишком повседневным. Третье она не надевала уже три года. Зачем она его вообще взяла? В конце концов решила остаться в джинсах и надеть топ, от которого не пахло бы «Макдоналдсом». Подумала, что надо бы освежить макияж, но не могла найти сумку, где была упакована косметика. Поэтому ограничилась тем, что нанесла блеск для губ со вкусом ирисок, обнаруженный на дне ее сумочки, и осмотрела себя в маленькое зеркальце.

У тебя получится. Все будет хорошо. Они такие же, как ты.

Мэв подняла большой палец вверх.

Внизу Элли похлопала по сиденью рядом с собой:

– Мэв! Садись сюда.

Подушки на диване продавились, когда она села, и Мэв оказалась на полу, словно ее поглотило что-то огромное. Она вспыхнула, думая, что случайно сломала диван, но тут же успокоилась, когда увидела, что тоненькая блондинка опустилась на тот же уровень.

Элли показала на парня, сидящего по другую сторону от Мэв.

– Мэв, познакомься. Это Оливер.

Мэв выпрямилась и пожалала ему руку. Небрежная прическа. Темные карие глаза. Похож на Томаса Кинси, а она больше не интересуется Томасом Кинси, потому что он был придурком, который никогда не обращал на нее внимания. Мэв поклялась никогда больше не быть такой идиоткой. Она – сильная, независимая молодая женщина, которая не нуждается во внимании мальчиков. С Оливером она разговаривала с непринужденной сдержанностью, вежливо отвечая на его вопросы. Ни намек на флирт. А потом сморозила какую-то глупость. Что-то незначашее о ее семье, но это рассмешило Оливера, и все усилия пропали даром. Мэв влюбилась.

Вечеринка закончилась, когда закончилось пиво. Спотыкаясь, гости плелись по Колдуэлл-стрит, надеясь, что запомнили дорогу к своим временным жилищам, а новые жильцы дома номер 215 проделали куда более короткий путь к своим комнатам наверху. Кроме Лорны, которая в тот вечер так

и не вышла.

На следующее утро все пятеро проснулись от шелканья алюминиевых консервных банок и запаха бекона. В коридоре за дверью каждого ждал маленький подарок: печенье, чай, чипсы, завернутые в коричневую бумагу. В каждом свертке лежала записка на голубой канцелярской бумаге с одинаковым текстом:

Не обманывай себя, день ведь впереди
От Счастливой от среды⁸ милости не жди

С трудом разлепив глаз, спотыкаясь, жильцы побрели вниз.

Там они увидели его в первый раз.

То есть увидели подсвеченную утренним светом высокую, долговязую фигуру парня, который убирал оставленный ими беспорядок и жарил бекон. Бекона хватило бы на целую дивизию. На шее у парня висела камера. Заметив их, он помахал лопаткой, и на стену полетели капли жира.

– Ох! Прошу прощения. – Он поморщился. – Надеюсь, вы не против? Я заехал сегодня утром. Вы все спали, и я решил

⁸ Традиция в англоязычных странах. Среда – середина недели; она напоминает о том, что выходные наконец-то не за горами, хотя еще предстоит прожить четверг и пятницу. Отправляя вдохновляющие сообщения с пожеланиями Счастливой среды, люди помогают своим друзьям сохранить мотивацию на оставшиеся дни недели.

приготовить нам завтрак?

Почти каждое его предложение заканчивалось вопросом, как будто парень все время спрашивал разрешения, даже когда называл свое имя.

– Я Каллум? Вы нашли записки? Простите, я не знал, что каждому из вас нравится? Мой учитель в шестом классе делал нам подарки на Счастливую среду. Ну, знаете, чтобы мы были мотивированы до конца недели? Я подумал, что это хороший способ представиться? Это устарело, да? Извините.

Он показал на сковородку:

– Ребята, хотите бекона?

Они хотели. И пока расправлялись с беконом, лучше узнавали друг друга. Неловкость от того, что они были едва знакомы, исчезала по мере того, как Каллум заполнял паузы в разговоре каким-нибудь смешным анекдотом. В то утро он стал тем стержнем, вокруг которого они все сплотились.

Девять месяцев спустя Каллум споткнется на лестнице и так сильно ударится коленом о нижнюю ступеньку, что останется огромный синяк. Так пьян он еще никогда в жизни не был и никогда не будет, потому что его жизнь продлится всего несколько минут. Но он не знал этого, как не знал и того, что кто-то будет следить за ним, пока он идет к телефону. Не знал, что за ним следят, когда он положил руку на трубку. Что его услышат, когда он пробормочет: «Я сделаю это. Должен. Должен. Должен сдать их. Это неправильно. То, что

мы сделали, неправильно».

И кто-то, кто сидел сейчас за этим шатающимся столом, разделяя с ним и со всеми остальными хрустящий, жирный бекон, подойдет, когда он снимет трубку, и спросит: «Что ты делаешь, Каллум?»

Лорна

Холлис переводил взгляд с одного на другого, словно прокручивая в памяти образ каждого из них, чтобы получить подтверждение: они те, кем он их считал. В отличие от остальных, он соответствовал своему возрасту, и его коренастая фигура больше подходила мужчине за сорок, чем девятнадцатилетнему мальчику.

Лорна пыталась совместить внешний облик стоящего перед ней взрослого мужчины с образом того молодого человека, которого она когда-то знала. Когда Холлис перевел на нее испытующий взгляд, все встало на свои места. Вот он, Холлис, которого она помнила, как помнила взгляд молодого встревоженного парня, потерявшего почву под ногами, старающегося делать все, что в его силах, изо всех сил желающего поступать правильно.

– Лорна. – Он произнес ее имя, словно смахивая пыль с давно забытой книги. – Что, черт возьми, происходит?

Она не могла понять, был ли этот вопрос адресован ей. Ясность мышления исчезла, как только в столовую вошла Элли. И мыслить легче не стало после появления Оливера и Мэв. Она знала, что приезд Холлиса неизбежен, но это нисколь-

ко не уменьшило шок от его появления. Как и от того, что в одной комнате с ней оказались все четверо. Если вопрос Холлиса был адресован ей, она не в состоянии была на него ответить. Так что сейчас она сделает то, что всегда делала Лорна Торрингтон. Тихонько отойдет в сторону и предоставит остальным все выяснять.

Холлис стукнул бутылкой виски по столу, удар эхом разнесся по комнате.

– Я спрашиваю, что происходит? Что вы все здесь делаете?

– Мы... мы не знаем, – предложила свой ответ Мэв.

Да, конечно, Мэв должна была откликнуться первой. Попробовать сгладить ситуацию.

– Мы пытались разобраться, когда ты...

И, конечно же, Мэв потерпит полное фиаско.

– Пытались разобраться? То есть для вас это сюрприз? Никто из вас не знал, что остальные будут здесь? Ну, это полное и абсолютное дерьмо.

Продолжаем. Кто из вас это устроил? Кто всех собрал здесь?

Оливер наклонился вперед, собираясь произнести одну из своих дружеских речей «как мужчина мужчине»:

– Холлис, приятель...

Но на его речи Холлис никогда не велся.

– Я тебе не приятель!

Как и Лорна, Элли знала, что говорить бесполезно, но от-

личие состояло в том, что ее напряжение было заметно. Она раскачивалась взад-вперед на стуле, как ветка на ветру. Лорна не могла не вспомнить, как быстро эта сухая ветка может загореться.

– Всё на этом. Я ухожу.

Холлис произнес эти слова очень тихо – только Лорна, стоявшая к нему ближе всех, могла их услышать. Она не стала останавливать его, когда он снова схватил бутылку.

Мэв – эта всегда вмешивающаяся Мэв – переспросила:

– Что ты сказал?

– Я сказал, что ухожу!

Высказанное Холлисом намерение напрягло Лорну. Когда они собрались все вместе, его присутствие одновременно таило в себе угрозу, но и обеспечивало безопасность. Как только она увидела его, к ней вернулись силы, которые, как ей казалось, сначала истощило появление Элли, потом Оливера и, наконец, Мэв. Холлис, конечно, мог уйти, но он был нужен Лорне.

Она заговорила, когда он был уже у двери:

– Холлис, ты не можешь уйти. На острове некуда идти, а мистер Каски сказал нам, что дорогу во время шторма размывает.

– И последний паром уже ушел, – добавила Мэв.

– Брось, Лорна. – Оливер задрал ноги на стул. – Пусть бежит. Это ему хорошо удастся. В смысле, я вообще удивляюсь, что он так долго продержался. Сколько времени про-

шло? По крайней мере пять минут.

Холлис зажал горлышко бутылки и убрал руку с дверной ручки.

– А что ты хочешь, чтобы я сделал? Остаться с вами и выпить стакан? А может, семь стаканов? Сколько ты уже принял, Оливер? У тебя уже язык заплетается, так что, думаю, не меньше пяти. Ну да, брюхо у тебя будь здоров. Вполне вместит еще полдюжины. Знаешь, я рад, что ты сидишь тут и куришь в свое удовольствие, в то время как кучи дерьма попадают в вентилятор. Не уверен, что узнал бы тебя иначе. Ухаживаешь за волосами по совету принца Чарльза?

– Серьезно, Холлис? В ход пошли оскорбления? – произнес Оливер. – Неужели мы не можем хотя бы попытаться быть взрослыми в этом вопросе?

– Я не знаю, что это такое, но должен признаться, что это ценное предложение со стороны человека, который сочинил шуточку «у Элли в щели».

Элли потрясенно ахнула.

– Как, ты не знала, Элли? – спросил Холлис, когда Оливер покраснел.

– Я всегда считала, что это придумала Мэв, – сказала она.

– Может, я и сказала это, но не я это придумала, – возразила Мэв. – И я даже не так часто это говорила! Клянусь.

Мэв извинялась, Элли притворялась, что она не в курсе, Холлис и Оливер ссорились. Как быстро каждый из них вошел в свою прежнюю роль, включая и ее.

Лорна хранила молчание, не давая им втянуть себя в спор. Но уже очень скоро они забросали ее вопросами. После замечания Мэв она отключилась от разговора и уже не знала, в каком направлении продвигается спор, и тут Холлис спросил:

– А как насчет тебя, Лорна? Есть что добавить?

– Нет. – Она выдавила из себя короткое слово, как последнюю каплю воды из пересохшего крана.

– Как это типично, правда? – рассмеялся Оливер. – Наша Швейцария отказывается вмешиваться, в то время как вокруг нее взрываются бомбы. «Ах, это меня это не касается!» Если тебя это не касается, милая, тогда почему ты здесь?

– Почему все мы здесь? – спросила Мэв.

– Включи мозги, Мэв. Если, конечно, возможно. – Оливер закатил глаза.

– Есть только одна причина, по которой кто-то собрал нас вместе, – сказал Холлис.

Но озвучить эту причину никто не хотел.

– Это была не наша вина, – прошептала Элли. – Мы не сделали ничего плохого.

– Но и хорошего тоже ничего не сделали, – возразил Холлис.

Лорна закрыла глаза и сделала вид, что не понимает, о чем говорит Холлис. Сделала вид, что может уйти. Но идти Лорне было некуда.

Два часа назад

Седан «воксхолл», двигаясь, поднимал пыль. Лорна вцепилась в руль, ее взгляд сосредоточился на горизонте в поисках дома, который должен был появиться ближе к концу дороги. Поэтому она пропустила выбоину. Машина влетела в нее, подпрыгнула и приземлилась с такой силой, что днище заскрежетало по земле. Лорна резко нажала на тормоза, и голова ударилась о подголовник. Ремень скрипел громче, чем стук дождя по машине. Руль вибрировал в руках.

– Не умирай здесь. Только не умирай здесь.

Она нажала на педаль газа. «Воксхолл» дернулся и набрал скорость.

– Спасибо тебе.

Загорелась сигнальная лампочка.

Багажник открыт.

Взглянув в зеркало заднего вида, она увидела, как открытая крышка покачивается вверх и вниз.

– Черт.

Если Вселенная хотела помешать ей выйти из машины, это почти удалось. Ремень безопасности почти задушил ее, пока она возилась с защелкой. Туфли скользили на мокрых камнях, пока она обходила машину. Дважды захлопывала багажник, но он отказывался защелкиваться.

– Черт, черт, черт!

Капли дождя падали ей на затылок и стекали по рубашке до бретелек лифчика. Она положила руки на холодный ме-

талл и сделала несколько вдохов. Вода потекла вниз вдоль позвоночника.

Со мной все будет хорошо. Все получится. Я сделаю так, что все получится.

Надавила на багажник в последний раз и услышала, как он захлопнулся.

– Ну как? Отлично! Я же говорила.

Она снова села в машину и не стала пристегивать ремень безопасности.

С дороги громоздкий кирпичный особняк – «Волчий вереск» – напоминал солдата в красном мундире, который стоял на берегу длинного прозрачного озера в тени заснеженных вершин. Из одной из шести труб вилась струйка дыма. Нелепая стеклянная оранжерея позади дома резала глаз своей бессмысленностью, усиливая уродливость самого дома.

Лорна припарковалась задом к фасаду. Капли дождя пронизывали поверхность озера, и она вспомнила, как в детстве вода успокаивала ее. Несмотря на непогоду, она спустилась вниз помочить руки. Царапины стали меньше саднить, но успокоение, на которое она надеялась, не пришло. Горы, хотя и были в отдалении, придавливали, и Лорна чувствовала себя запертой в клетке, да еще серые облака нависли, как тяжелый брезент. Но разве не клетки она желала?

Она бросила камень, и по поверхности озера пробежала рябь. Вытерла руки о джинсы, и в тот момент, когда она направилась к дому, залаяла невидимая собака.

Внизу горел огонь, из комнаты справа слышалось звяканье посуды. Лорна пошла на звук и увидела спину мужчины, расставляющего тарелки и столовые приборы в большой столовой. В просторном помещении было десять круглых столиков, у каждого стояло по четыре стула. Все скатерти были разные – одни кружевные, другие из полиэстера, одни простые голубые, другие с узором из весенних цветов. Посередине каждого столика стояли свечи, по две или три на стол. Пестрый декор столов помогал скрыть недостатки интерьера: тяжелые красные шторы не сочетались с зеленым ковром и желтыми стенами. Лорна подумала, что она бы переделала весь интерьер. То, что она видела, напоминало ей гостиную ее двоюродной бабушки и проведенные там тягостные вечера. Она уже почти чувствовала запах духов «Джой» Жана Пату.

Лорна потеряла озябшие руки и откашлялась. Молодой человек резко развернулся. В каждой руке он держал по столовому ножу.

– Черт побери! Нельзя так подкрадываться к людям. Так и сердечный приступ недолго получить. Подкрадываетесь, как призрак, пропади вы пропадом...

– Извините, что ворвалась к вам. Пойду подожду, пока вы освободитесь.

Как хорошо сменить холод столовой на тепло рядом с камином. В ожидании Лорна подумывала отправить сообщение. В голове у нее звучал голос матери.

Всегда сообщай кому-нибудь о своем местонахождении, хотя бы одному человеку, пожалуйста, солнышко, прошу тебя. На случай чрезвычайной ситуации. На случай, если что-то произойдет...

Кого будет волновать, где она находится?

– Вы...

– Черт! – Лорна подскочила от неожиданности, услышав мужской голос.

– Теперь вы знаете, каково это – так испугаться.

– Я не испугалась.

– Ну, ясное дело, нет.

Она сунула телефон в карман, последовала за мужчиной к стойке регистрации и расписалась в журнале.

– Вы первая, – сказал он.

Когда он передавал ключ, ей показалось, что он хотел сказать что-то еще, но тут зазвонил телефон.

– Дом «Волчий вереск». Говорит Джеймс Каски... – ответил мужчина, и Лорна направилась к лестнице.

Наверху первым ее побуждением было повернуть направо, но дорогу ей преградили веревка и рулон истертой ковровой дорожки. Поэтому она пошла налево по коридору с темно-коричневыми тумбами, украшенными серебряными подсвечниками и пресс-папье различных геометрических форм. Перед дверью с грубо вставленной латунной табличкой с цифрой «1» она остановилась.

Достав телефон, Лорна отправила короткое сообщение

единственному человеку, которому, как она думала, может быть не все равно. Затем прямо в дорожной одежде рухнула на кровать, закрыла глаза и раскинула руки. Впервые за последние несколько месяцев она не чувствовала, что за ней следят, и на несколько коротких минут снова стала собой.

Элли

Элли не совсем понимала, что происходит. Она узнала их – Холлис орал, Мэв вытирала руки о мокрые рукава своего свитера, Лорна смотрела в пустой бокал, Оливер сидел с дымящейся сигаретой, – но происходящее казалось сценой из телешоу. Шоу об их жизни; в драматических реконструкциях участвуют актеры, которые были похожи на них самих, но не совсем соответствовали ее воспоминаниям. Волосы Холлиса не были такими короткими, а плечи стали слишком уж широкими. Мэв выглядела на несколько фунтов толще, жир округлил ее лицо. У Лорны грудь выглядела меньше, чем была, и не был ли ее нос более курносый? На Оливера она едва могла смотреть. Он весь был каким-то неправильным, как будто это отец Оливера оделся в одежду настоящего Оливера. Так что да, все они были здесь, но это не те люди, которых она помнила. И хотя перспектива провести выходные с совершенно незнакомыми людьми выглядела заманчивой, на самом деле лучше было бы последовать первоначальному намерению Холлиса и покинуть это место как

можно скорее. Только так, чтобы никто не увидел. Но сможет ли она? Наверное, лучшим вариантом будет подождать и внимательнее приглядеться к ним. Посмотреть, что будет происходить.

Она подумала было о том, чтобы написать Дэвиду и спросить его совета. И тут же отбросила эту мысль. Не может она написать Дэвиду. Об этом – нет. Не сейчас. Когда она сможет вернуться в свою комнату, тогда – да. Наверное.

Она отпила немного вина, не чувствуя его вкуса. Затем хлопнула в ладоши.

– Так, – объявила Элли, прерывая рассуждения Холлиса. – Я здесь из-за Эйвон.

Все посмотрели на нее в замешательстве, как будто забыли о ее присутствии.

Холлис подошел так близко, что Элли почувствовала его дыхание на щеке. Морщинка у него на лбу, которая когда-то была тонкой линией, углубилась и стала похожа на расщелину.

– Из-за кого ты здесь?

Она поправила браслет.

– Не из-за кого, а из-за чего. Из-за «Эйвон». Я продаю продукты компании «Эйвон». Знаешь, мыло, лосьоны, косметические средства. У нас есть отличная мужская линия, которая сотворит чудеса с твоими морщинами, Холлис.

Элли распрямила ноги и сразу снова скрестила их.

– Мой региональный начальник провел конкурс продаж

в целях продвижения нашей новой линии ароматов «Хайлендс». Я победила.

– Ты сама выбирала, где остановиться?

– Нет. Они все организовали.

– Они?

– «Эйвон».

– Как ты узнала, что выиграла?

– Они прислали мне письмо.

– И ты уверена, что это письмо пришло от «Эйвон»?

– А кто еще мог его отправить?

Жуткий хохот вырвался из горла Оливера. Она никогда не думала, что ей доведется услышать этот хохот снова.

– Вот в чем вопрос, не так ли, дорогуша? Вот почему Холлис играет в детектива. Он думает, что может уличить тебя во вранье или выяснить, кто именно врет тебе.

Слова Оливера подействовали на Холлиса как красная тряпка на быка.

– Играю в детектива? – Холлис сбросил ноги Оливера со стула.

Обстановка накалялась. Элли не замечала, что у нее трясутся руки, до тех пор, пока тряска не прекратилась.

– Играю в детектива? – Холлис повторил его слова еще раз. – Я и есть детектив, Холкомб. Из Манчестерского отдела уголовного розыска. А чем ты занимаешься? Какие-нибудь твои грандиозные планы осуществились? Инвестиции в бизнес принесли успех? Кстати, смотрел «Пещеру драконов».

Костюм мне понравился.

Лицо Холлиса оставалось мрачным, но в его голосе слышалась издевка.

– Итак, поскольку я и есть тот, в кого, по словам Оливера, играю, я собираюсь задавать вам вопросы, а вы будете на них отвечать. Потому что, во-первых, я самый квалифицированный человек в такого рода делах. И, во-вторых, я не поверю никому из вас до тех пор, пока не решу, что могу поверить. Элли уже высказалась. Есть еще желающие?

Элли поднесла бокал с вином к губам и обвела взглядом комнату. Как много написано на лице каждого из них. Никто из них не умеет держать эмоции в узде, даже Лорна, которая крутит и крутит кольцо на указательном пальце. Нет, уходить не следует. До тех пор, пока она не увидит продолжение.

Полтора часа назад

– Поговори с отцом. Он может это решить. Мне жаль, но... Мне очень жаль, но... Что ж, если таково решение папы, я его поддержу. Мне жаль, но...

Мир за лобовым стеклом погрузился под воду, стремительные потоки размывали землисто-серую дорогу. Элли пыталась найти кнопку стеклоочистителей в арендованном «ровере», прижимая телефон к уху.

– Солнышко, мне очень жаль. Если папа сказал... если папа так сказал...

Она перенесла телефон к другому уху и вдохнула цветоч-

ный аромат автомобильного освежителя «Эйвон».

– Я понимаю, деточка, но если папа... Ладно... Хорошо... Я поговорю с ним... Да, я поговорю с ним. Да, я... Да... Я тоже тебя люблю.

Она положила телефон в подстаканник и нащупала нужную кнопку. Когда дворники работают с максимальной интенсивностью, они затрудняют видимость так же, как и сам дождь, но в конце концов удалось разглядеть впереди извилистую дорогу.

– Что я сделала? Что? – бормотала она.

Через пятьсот метров поверните направо.

– Разве мы не дали ей все, что она просила? Упаси Бог, чтобы и ее брат оказался таким же.

Через двести метров поверните направо.

– Я во всем обвиняю себя. Именно так. Слишком ты мягкая, Элли. Поэтому и попадаешь в такие ситуации.

Поверните направо.

– Дэвид прав. Нужно отрастить хребет, иначе ты никогда не...

Пропущен поворот. Развернитесь.

– Что? Как это? Ну да, конечно.

«Ренджровер» заскользил на мокрой дороге, разворачиваясь, но все же она сумела удержать машину и не опрокинулась в кювет.

Через сто метров поверните налево.

– Где? Там даже нет... А, вот!

Досада нашла новую цель, когда машина запрыгала вниз по грунтовой дороге.

Почему нет знака, указывающего на близость дома? Почему они не могли устроить все это в другом месте? Почему она должна была ехать с паромщиком, который не переставал на нее пялиться? Зачем вообще заставлять ее ехать в эту богом забытую глушь?

Элли шлепнула по рулю и глубоко вздохнула. Надо попытаться увидеть положительные моменты. Например, когда в последний раз она была одна? Без Дэвида, без детей, без кого-либо? Наверное, это было до их свадьбы, то есть не менее пятнадцати лет назад. Она посмотрела на пассажирское сиденье. Так странно видеть его пустым. Но это в каком-то смысле освобождает тем не менее. Она одна и делает что-то для себя. Что-то, что не имеет отношения к семье.

Особняк больше походил на детский рисунок, чем на что-то реальное, с его неровными линиями и чрезмерным количеством окон. Можно было бы посмеяться над его видом, но это казалось неуместным, как смеяться над ребенком, который пришел в школу в грязном свитере и слишком тесных ботинках.

Элли поставила машину рядом с маленьким потрепанным «воксхоллом» и, постукивая пальцами по рулю, начала прикидывать, не стоит ли переждать в машине хлеставший по стеклу сильный дождь, из-за которого даже фасад не виден. Сквозь струи воды особняк казался размытой акварельной

картиной, каких много в кафе на Кингс-роуд. Она могла бы сейчас быть там с чашкой черного кофе, поворковала бы над малышами в колясках, вечно загромождающих проход к столикам. Однако эта мысль вызвала воспоминание, которое, как ей казалось, она выкинула из головы, как только ее самолет вылетел из Хитроу. При этом воспоминании ее охватила дрожь.

Ладно, хватит сидеть. Она отстегнула флакон с освежителем воздуха, засунула его в карман, натянула плащ на голову, выбралась из машины и попала напрямиком в лужу. Грязь забрызгала ногу, и, с трудом удержавшись от проклятия, Элли припустила к дому.

В надежде, что персонал не заметит, как она наследила на ковре, Элли подошла к стойке регистрации и начала звонить в звонок. Жала на кнопку до тех пор, пока на лестнице не показался молодой человек привлекательной наружности.

– Да, да, да, иду. Оставьте звонок в покое, – сказал он, торопливо спускаясь вниз. Его хмурый взгляд сразу же выдал недовольство из-за грязи на ковре, но он не стал заострять на этом внимание, пока регистрировал ее.

Элли назвала свое имя и добавила с улыбкой, накручивая локоны на палец:

– У вас здесь так чудесно. Наверное, вы много работаете, чтобы содержать все в порядке.

– Без дела не сижу. Ваша комната...

– И какой же вы предприимчивый молодой человек, – она

положила руку ему на плечо, – сами всем управляете.

Он отодвинулся, слегка улыбаясь, и протянул ключ.

– Я делаю то, что должно быть сделано. Ваша комната на третьем этаже. Если вы...

– Будьте другом, помогите мне с чемоданом. Поездка была просто ужасной, понимаете. Обычно я не бываю такой измотанной, но я давно уже не ездила так далеко в одиночку.

Он сжал ключ в кулаке.

– Конечно, миссис Лэндон, буду рад помочь. Моя мать примерно вашего возраста, и она тоже быстро устает.

Он понес чемодан к лестнице. Элли нахмурилась, вытерла грязные туфли о ковер и последовала за ним.

Когда они поднялись на последний этаж, он протянул ей ключ.

– Кстати, миссис Лэндон, если посреди ночи вы услышите слабый стук, пусть он вас не настораживает.

– Трубы?

– Нет. Это не трубы.

Не говоря больше ни слова, он повернулся и ушел. Элли посмотрела на блестящую цифру «5» на двери и прислонила ухо к стене. Тишина. Она вздрогнула, потом рассмеялась и отперла дверь.

Оказавшись в комнате, Элли стащила с себя всю мокрую одежду и оставила ее рядом с кроватью. Дэвид всегда орет, если она оставляет мокрые вещи на паркете в их спальне.

Вода лилась из душа с перебоями, но потом пошла с нор-

мальным напором.

Элли уже раскладывала на полочке, мурлыча себе под нос, собственные гель для ванны, шампунь и кондиционеры, когда звякнул телефон. Ожидая увидеть имя Джилли, Элли вернулась в спальню. Но это была не Джилли. Она перечитала сообщение три раза – в нем ей напомнили, зачем она проделала весь этот путь.

Оливер

– А что у тебя, Оливер? – спросил Холлис. – Ты тоже выиграл конкурс?

Конечно, следующим Холлис выбрал его. Но этот номер не пройдет, у Оливера уже был готов ответ.

– Ты думаешь, я поведусь на такую глупую уловку? Что я настолько наивен? – Он повернулся к Элли: – Без обид, милая.

– Ну, либо ты настолько наивен, либо тебе был известен план с самого начала. Итак, что же?

Оливеру потребовался весь его самоконтроль, чтобы сразу не подкинуть Холлису один из вариантов. Но это вызвало бы еще больше подозрений, поэтому он не торопясь допил виски, с удовольствием ощущая, как спиртное обожгло ему горло. Все ждали продолжения. Он поставил стакан на стол.

– Отлично. Один приятель забронировал здесь место, но что-то случилось, и он предложил мне свою бронь.

– Насколько хорошо ты знаешь этого приятеля?

– Работал с ним пару раз. Мы ходим в один паб, и время от времени встречаемся, чтобы выпить.

– И этому приятелю нужны деньги?

– Наверное. – Оливер закурил. – Думаешь, кто-то заплатил ему, чтобы он отказался?

– Самый простой способ манипулировать людьми, не так ли?

– Если это правда, я зарою Джеральда в землю по самую задницу. – Он снова забросил ноги на стул.

– А фамилии и номера телефона у этого Джеральда, случайно, нет?

– Мечтаешь о свидании?

– Больше о доказательствах.

– За или против моих слов? – Оливер встретился взглядом с Холлисом и глубоко затянулся. – Извини, мы не настолько хорошо друг друга знаем. Только по именам, и все на этом.

– Удобно, – заметил Холлис.

– Или наоборот.

Он выдержал взгляд Холлиса, стряхивая пепел в пустой стакан из-под виски. Ну-ка, что еще придумает этот детектив?

Холлис уступил первым, переключив внимание на Лорну, которая медленно расхаживала взад-вперед с того момента, как он начал задавать вопросы. Оливер следил за происходящим, чтобы быть наготове на тот случай, если Холлис по-

пытается поймать его в ловушку.

– Твоя очередь, Лорна. Как ты здесь оказалась?

Лорна остановилась. Оливер смотрел, как она потирает царапину на руке.

– Так же, как Оливер, правда. У меня есть коллега. Мне в последний момент понадобился отпуск. Это долгая история. Она предложила мне остановиться здесь. Сказала, что я могу потом вернуть ей деньги.

– Как давно ты ее знаешь? – спросил Холлис.

– Около двух лет.

– А у твоей коллеги есть полное имя? – Холлис посмотрел на Оливера.

– Дженнифер Макалистер. Тебе стало легче?

Холлис перевел взгляд на Лорну. У него явно на уме был еще один вопрос, судя по смущенному выражению лица – выражению, которое Оливер помнил еще с тех времен, когда Холлис в гостинной готовился к экзаменам. Но оно быстро исчезло, и Холлис повернулся к Мэв.

Лорна заметила, что Оливер смотрит на ее руку, и сунула ее в карман, одновременно подцепив тупфлей осколок разбитого стекла на ковре. Оливер закусил фильтр сигареты, чтобы не выступить с напрашивающимся оскорблением. Наверняка лесбиянка, подумал он. И подружка ее из тех самых. Лорна никогда не говорила, что у нее есть подружка. Она выглядела как кобелиха, в этой черной водолазке, и грудь у нее смотрелась непривлекательно.

– Остаешься ты, Мэв, – сказал Холлис.

Оливеру было интересно посмотреть, как Мэв будет записываться, отвечая.

– Я думала... – Она отвела взгляд. – Я думала, что кое с кем встречу.

Мэв вытерла пот со лба и пожевала манжету своего свитера. Точно так же она всегда вела себя, когда оставалась наедине с ним в комнате. Из всех она больше всего походила на молодую себя. Почти красавица, если бы смогла наконец уложить волосы и сбросить пять-шесть килограммов.

Когда Холлис задал конкретный вопрос о ее не появившемся спутнике, Мэв вздрогнула и выдавила, заикаясь, что-то невнятное.

Оливер не смог сдержать смех.

– Есть что добавить? – спросил Холлис.

– Еще не догадался, сыщик? Мэв думала, что встретится здесь с мужчиной. Что она приехала на романтический отдых. Тебя разыграли, да?

Мэв спрятала ладони в свитер и обхватила себя руками, не в силах встретиться с ним взглядом. С Мэв все было слишком легко. Как будто едешь на велосипеде, который много лет простоял в гараже. Возможно, велосипед немного заржавел, но он помнил, как крутить педали. Прошло двадцать с лишним лет, а он не забыл, как играть во все эти игры.

Часом раньше

– Черт, дерьмо! Будь оно все проклято!

Домкрат приподнял колесо, монтировкой Оливер попытался провернуть рычаг, но по какой-то причине секретки не поддавались. Пальцы соскользнули, и он упал спиной на дорогу. Вода просачивалась под одежду со всех сторон.

– Чертовы машины! Чертовы шины! Чертова Шотландия!

Руки и лицо измазались в грязи. Оливер схватил телефон и сумку из машины, сунул брошюру в наружный карман и продолжил путь пешком, прихватив с досады монтировку. От долгой прогулки хромота усилится. Если в этом бесплодном пейзаже и была красота, он ее не видел. Даже взятая напрокат дурацкая машина и та не захотела ехать. Зачем ему это надо?

Это была глупость. Он знал это с самого начала. Что это решит? Пошло оно все к черту, вот так, сказал он себе.

К тому времени, как Оливер добрался до особняка, он не испытывал к этому месту ничего, кроме презрения. Дом, предназначенный на запчасти, – вот на что был похож особняк. Сляпан из никому не нужной дребедени, кое-как. У Оливера возникло искушение бросить монтировку в окно, но вместо этого он швырнул ее в кусты.

Захлопнув за собой входную дверь, он бросил на пол мокрые вещи и принялся растирать руки перед камином. Нужно как-то согреться изнутри. К своему удивлению, в комнате слева он обнаружил возможность это сделать. В большом салоне, оформленном в викторианском стиле, с книжными

полками и длинным кожаным диваном «честерфилд», оказался бар с латунной стойкой, и, что самое главное, в баре был полноценный набор спиртных напитков, расставленных перед зеркальной стенкой.

Издеваются они, что ли?

Он достал из кармана пиджака отсыревшую брошюру и просмотрел ее. Да, определенно это то самое место. Огляделся, ожидая подвоха, но никто не появился, и он угостился односолодовым «Гленливетом» пятнадцатилетней выдержки.

– Пять фунтов пятьдесят.

Оливер поперхнулся.

В другом конце бара молодой человек в костюме проти-рал стойку фланелевой тряпкой. Оливер не мог взять в толк, откуда он взялся.

– Вы хотите расплатиться в конце или выписать счет?

– Выпишите.

Все равно не ему платить. Допил стакан и налил еще.

– Оливер Холкомб. Значит, это дом твоего папаша?

Он посмотрел в окно. Из-за дождя трудно было понять, где кончается автостоянка и начинается природа.

– Джеймс Каски. Вообще-то это мой дом. А вы бы не на-легали на это дело.

Каски проверил свой телефон. Лицо его как-то осунулось, и он положил телефон обратно в карман.

Сам Оливер не проверял телефон с тех пор, как лопнула шина. Наверное, от нее уже пришло три или четыре го-

лосовых сообщения, подумал он, но обнаружил только одно электронное письмо от туристической компании *Groupon Getaways*.

– Я не слышал, как вы подъехали, – заметил Каски.

– Машина встала на главной дороге. Передача накрылась, я думаю, – соврал Оливер. – Пришлось добираться пешком.

– Хорошо, что вы добрались до наступления ночи.

– В моем телефоне есть фонарик.

– Не темнота должна вас беспокоить.

От ветра хлопнула ставня.

– Черт. – Оливер схватил салфетку и вытер с руки пролитый виски.

– Хотите посмотреть свою комнату, прежде чем еще выпьете?

Оливер прикусил язык и последовал за Каски, жалея, что в руках у него стакан, а не монтировка.

МЭВ

Новые джинсы промокли от дождя и жали Мэв в бедрах. Возможности переодеться так и не представилось. Даже Холлис не спросил, не хочет ли она сменить одежду, прежде чем начать ее допрашивать. Хуже всего было ощущение, что она обмочилась, и Мэв сделала вид, будто именно из-за мокрой одежды ей некомфортно, когда Холлис попутно объяснял Элли, что такое «ловля на котика» в соцсетях.

– Ах, бедняжка! – проворковала Элли.

– Да ничего страшного, господи, – огрызнулась Мэв.

– У тебя есть адрес его электронной почты или номер телефона? – спросил Холлис. – Я попрошу кого-нибудь разыскать его.

– Да пожалуйста. Есть электронная почта. Имя пользователя в Скайпе: *Kit Snow0273*.

Она потянулась за телефоном. Хоть бы руки перестали дрожать. Чехол телефона отсырел, из-за того что находился в кармане, и Мэв принялась вытирать его о свитер, но и тот насквозь промок.

– Извини. Извини, я...

– Держи. – Холлис протянул ей льняную салфетку со стола.

Мэв хотела поблагодарить, но он уже отвернулся. Все стремились отойти подальше друг от друга. Лорна перешла к окну. Холлис – к двери. Элли прислонилась к дальней стене. Позади Мэв стоял стол, мешавший ей потихоньку переместиться к выходу в кухню. Один только Оливер не сдвинулся с места и продолжал сидеть, как привязанный, на стуле посреди этой чертовой столовой, но у Мэв сложилось впечатление, что он был бы рад провалиться сквозь землю, если бы мог. Смутив ее, Оливер уже переключил внимание, и она испытывала одновременно и облегчение и разочарование. Мэв держалась ближе к нему, мечтая и не веря, что Оливер снова обратит на нее внимание.

– Ну что ж, продолжай, Драммонд, – произнес тот. – Сейчас самое время рассказывать сказки. Кто тебя сюда заманил? Или, может, ты и собрал нас?

Уверенность Холлиса как рукой стерло. Черты его лица исказила боль, но Мэв видела, что он собирается ответить. Но тут вмешалась Лорна:

– Кто-то уезжает.

Она пристально смотрела в окно.

– Здесь есть кто-то еще? – спросила Мэв.

Все ответили разом:

– Каски!

Холлис пошел впереди всех к входной двери. Но к тому моменту, как он распахнул ее, пара красных задних фар перевалила за холм.

Пока остальные сыпали проклятиями, Мэв отошла к камину. Горящий торф шуршал, как ветерок в кронах деревьев, и она наслаждалась этим моментом покоя, который длился всего несколько секунд.

Она увидела письмо, лежащее на камине. И как только оно оказалось у нее в руках, на нее снова обратили внимание.

– Что это? – спросил Холлис.

– Я не совсем понимаю.

Он взял у нее конверт и открыл его.

– «Дорогие гости, – начал читать он. – В связи с семейными делами я должен вернуться на Скай сегодня вечером. Готовая еда имеется в холодильнике в кухне. См. инструкции

по разогреву. Приношу извинения, что ночной портье недоступен. Как только я окажусь на Скае, я распоряжусь, чтобы прислугу привезли завтра утром на частном судне. Еще раз благодарю вас за выбор дома „Волчий вереск“. С уважением, Джеймс Каски. Примечание: В суматохе, вызванной отсутствием мистера Маклеода, я забыл раздать вам подарки от вашего благодетеля».

– Благодетеля? – Лорна заглянула через плечо Холлиса, чтобы прочитать текст.

– Он, должно быть, имеет в виду вот это. – Элли указала на стойку регистрации.

На полу у стойки лежали коричневые бумажные пакеты, на каждом из которых было указано имя. Никто не произнес ни слова – ни у кого не было желания открывать рот.

– Они похожи на...

– Заткнись, Мэв, – оборвал ее Оливер.

Холлис первым подошел к стойке, схватил пакет со своим именем и немедленно вскрыл. Внутри оказалась двухлитровая бутылка яблочного сидра «Стронгбоу».

Лорна пошла вслед за ним. В ее пакете оказался диск с записью «Все меняется» группы *Take That*.

– Целую вечность не слушала эту песню, – сказала Элли. – С тех самых пор, как...

Она побледнела и не закончила мысль.

Оливер подошел следующим.

– Самый маленький из всех, – пробормотал он и разорвал

упаковку: внутри оказался фиолетовый фломастер.

Элли и Мэв медлили, и Холлис сам вручил им пакеты. Мэв подождала, чтобы Элли открыла пакет первой: в нем лежала сигарета с марихуаной.

По отдельности каждый из этих предметов казался безобидным. Но, увидев их вместе, Мэв почувствовала, как в горле поднимается горечь, а в сознании всплыло отчетливое воспоминание: оглушительная музыка, липкие стаканы, тошнотворно сладкий алкопопс, запах травки и царивший в комнате полумрак. По выражению лиц остальных она поняла, что не одна вспомнила ту вечеринку.

– Открывай свой, Мэв, – сказал Холлис.

Внутри что-то звякнуло. Мэв неуклюжими пальцами старалась разорвать бумагу. Внутри оказалась черная коробочка без надписи. Она сняла крышку. Все ждали, когда Мэв покажет, что внутри.

После долгого вздоха Мэв подняла коробочку вверх.

– Ключ.

Но значение имел не столько ключ, сколько прицепленный к нему брелок с символикой шотландского регби.

– Ну, это не может быть... – начала Мэв, но услышав, как охнула Элли, замолчала.

– Конечно нет, – сказала Лорна. – Это невозможно.

В ее словах не было обычной убежденности.

– Мы должны найти дверь, к которой подходит этот ключ, – объявил Холлис.

– Дом такой большой, – сказала Элли. – Дверь может быть любая.

– Два, – сказала Мэв. – Это должна быть комната номер два.

– Но почему... – Элли снова перевела взгляд на подарки. – Ну да. Конечно.

По общему молчаливому согласию они поднялись наверх.

Мэв предоставила остальным идти впереди нее по коридору с темными стенами и коврами. Ей все время казалось, что тусклые лампы мигают, но свет горел ровно.

Комната номер два находилась в конце коридора. Мэв встала позади Холлиса. Ключ был у нее в руке, но Холлис не попросил его. Он постучал, и они стали ждать.

– Это детектив-констебль Холлис Драммонд.

Тишина в ответ.

Оливер с видом снисходительного презрения выхватил ключ у Мэв. Его пальцы соприкоснулись с ее пальцами, и она быстро сунула руки в сырые карманы.

– Просто открой, – сказал он Холлису.

– Подождите.

Холлис снова постучал.

– Повторяю, это полиция. Если вы не ответите, мы зайдем. Это предупреждение.

Холлис прижал ухо к двери, затем взял у Оливера ключ.

– Так. Я отпираю дверь.

Он вставил ключ в замок, но не повернул его.

– Отойдите в сторону.

Мэв и Элли немедленно повиновались.

– С какой стати? – поинтересовался Оливер.

– Мы не знаем, что за дверью. Или что может появиться.

– Ты думаешь, она заминирована? – спросила Лорна.

– Понятия не имею, но я не собираюсь рисковать.

Лорна присоединилась к женщинам. Презрительно хмыкнув, Оливер сделал то же самое. До Мэв донесся запах его лосьона после бритья – тот же самый после стольких лет. Она отошла еще на один шаг назад, когда Холлис повернул ключ. Он осторожно открыл дверь и заглянул внутрь. Мэв не видела его лица, но заметила, как ссутулились плечи. Холлис провел рукой по волосам, и она вспомнила, как однажды в воскресенье утром он нашел одного из друзей Оливера в отключке посреди гостиной. Тогда у него были точно такие же жесты.

– Что это? Кто там? – спросила Лорна.

– Зайди и посмотри.

Лорна протиснулась мимо Оливера, который вошел следом. Элли, проходя, плечом задела Мэв. Мэв не слышала разговоров, но и криков тоже не было. Она пересилила себя и тоже вошла.

Все стояли полукругом, спиной к ней, загораживая то, что там было. Самая невысокая среди них, Мэв встала на цыпочки, чтобы заглянуть через плечо Элли, но ничего не увидела, пока Холлис не отошел в сторону.

В правой части комнаты стояло коричневое кресло, ткань на его сиденье протерлась и выглядела заплаткой серого цвета. Однако их внимание привлекло другое: слева, прижатый к стене, стоял розовый диван. Продавленные подушки выпучивались, напоминая отвисшую нижнюю губу. Мэв узнала пятно на левом подлокотнике, напоминавшее карту Франции: это она пролила на диван чай двадцать с лишним лет назад.

– Это не тот же самый, – голос Оливера звучал хрипло. – Очевидно же. Он слишком старый. Попросту говоря, дерьмо.

– Нет, – сказала Мэв. – Он тот же самый. Состарился. Как и мы.

Но она смотрела не столько на диван, сколько на голубую карточку из плотной бумаги, лежавшую в середине дивана. На лицевой стороне машинописным шрифтом было напечатано:

Обитателям Колдуэлл-стрит

Мэв задала себе вопрос, что произойдет, если никто не возьмет ее. Так и будут стоять тут, уставившись на этот диван? Или уйдут? Сделают вид, что никогда сюда не приходили. Не отпирали эту дверь.

– Это... – Элли поперхнулась словами. – У него были такие карточки. Он обычно писал нам на них записки. И подарки, о боже, подарки. Коричневая бумага. Эльф Счастливой среды...

– Это не он, – произнес Оливер. – Думаю, мы все знаем, где искать ублюдка, который написал это, и точно не в этом треклятом доме.

Несмотря на бравладу, Оливер не приближался к дивану. Элли обвела всех взглядом, ожидая поддержки, но Лорна избегала смотреть ей в глаза. Мэв тоже отвернулась, когда Элли перехватила ее взгляд.

Холлис не отводил глаз от дивана. В конце концов он протянул руку и взял карточку; в полной тишине шорох его одежды был громовым.

Он внимательно оглядел карточку, словно ища некую подсказку, затем перевернул. И если письмо Каски он сразу прочитал вслух, то этот текст молча пробежал глазами.

– Ну же, Драммонд! – рявкнул Оливер. – Давай, что там? Холлис прочистил горло.

– Это стишок.

Тайна за тайну: признайся сейчас.

Что с твоим братом, скажи без прикрас.

Пока не расскажет, никто не уйдет.

Будет веселье всю ночь напролет.

Оливер выхватил карточку из рук Холлиса.

– И это все? Все?

– Это ошибка, – объявила Элли. – Все неправильно. У меня так даже брата нет.

Лорна страдальчески закатила глаза:

– Речь не о биологической семье.

– Но я не понимаю, – продолжила Элли. – Что мы должны делать? Обмениваться секретами? Какими?

Холлис осмотрел коричневое кресло.

– Если это и правда то самое...

Он провел руками по подлокотникам, потом засунул пальцы с боков сиденья внутрь.

Оливер швырнул карточку на пол.

– Я не собираюсь стоять здесь, пока Холлис щупает кресло.

– Вы, ребята, в самом деле не помните? – спросил Холлис. Что-то щелкнуло внутри кресла. – Ага, вот оно! У этого кресла, или, как его любовно называла Лорна, «кресла-какашки», был неисправен подлокотник. У него отлетала крышка.

Он потянул за левый подлокотник, и крышка поддалась, открывая свободное пространство внутри.

– И именно там ты, Оливер, хранил свои наркотики.

Холлис просунул руку в отверстие и пошарил там.

– Значит, это... это действительно то самое кресло, – сказала Лорна.

– Или похожее на него. – Он за что-то ухватился внутри подлокотника. – Но у меня такое чувство, что это оно. Зачем копировать дырки, прожженные сигаретами?

– Это могут быть другие дырки, – возразил Оливер.

– Те самые. Я помню. – Холлис вытащил большие голубые

конверты.

– Значит... – Мэв посмотрела на диван. – Значит, и диван тот самый.

Она закрыла глаза, ощущая, что вот-вот выступят слезы, и, сделав шаг назад, натолкнулась на Оливера. Его тело было мягким и теплым. Но он отодвинулся.

– Вам, наверное, стоит остаться здесь, – продолжал Холлис, – пока не прочтете все это.

Он протянул Мэв конверт с ее именем, а затем раздал остальные. Все смотрели друг на друга, ожидая, кто первым начнет читать.

– Предполагалось, что мы должны были их найти? – спросила Лорна.

– Я думаю, он рассчитывал на это, – ответил Холлис.

– Это не он, – пробормотал Оливер.

Мэв посмотрела на него. Ей хотелось успокоить Оливера, взять за руку и сжать. Но каждый раз, когда она немного приближалась к нему, он отстранялся. Она снова закуталась в свитер.

– Ну что ж, если никто не собирается...

Холлис осторожно открыл свой конверт. Лорна, стиснув зубы, открыла свой. Мэв смотрела на Оливера и Элли, ожидая, что они будут делать. Когда Элли разорвала конверт, Мэв сделала то же самое. Оливер с тяжелым вздохом последовал их примеру.

Поначалу Мэв слишком увлеклась, наблюдая за другими,

и просто держала конверт в руках.

Лорна поднесла руку ко рту и закрыла глаза.

Элли замерла в неподвижности. На ожесточившемся лице начали одна за другой проступать морщины, на руках вздулись вены.

Оливер пробормотал себе под нос «чушь собачья».

Холлис побледнел, энергия, казалось, полностью оставила его.

Наконец-то и Мэв решила посмотреть. В конверте оказались фотокопии кредитных карт на имя ее невестки. Лимит по картам был почти полностью исчерпан. Каждая строчка напоминала о различных покупках, включая свитер, который сейчас был на ней, и оставшуюся внизу красную дорожную сумку.

Холлис сложил бумаги, которые получил, и сунул обратно в конверт.

– Итак. – Он постучал конвертом по ладони. Его голос был ровным, но звучал тоном выше, как у человека на двадцать лет моложе. – Думаю, если мы признаем, что на самом деле произошло той ночью, то в обмен ничего из этого, что бы это ни было... – он поднял конверт, – не выйдет наружу.

– Что до меня, то я не вижу тут ничего страшного для себя. – Мэв попробовала сложить бумаги так, как это сделал Холлис, но ничего не получалось – у нее тряслись руки. – У меня было разрешение. Она сказала, что я могу пользоваться. Почему он... почему он думает, что может шантажиро-

вать меня этим? Он неправ. Он ошибается.

Оливер вырвал у нее бумаги и помахал ими перед ее глазами.

– Перестань говорить «он». Это не он! И на это есть одна очень веская, черт побери, причина. Ты ведь помнишь, да? Он мертв. Каллум мертв!

Ужас пронзил всех одновременно. Теперь, когда имя прозвучало вслух, назад пути не было. Теперь нельзя было сделать вид, что у них есть шанс, что речь идет о ком-то другом, не о нем. Теперь они больше не были взрослыми людьми, постояльцами пансиона – они снова стали студентами-первокурсниками в грязной гостиной съемного дома.

Мэв споткнулась и ухватилась за дверной косяк.

– Мэв? – окликнул ее кто-то. «Лорна», – подумала она, но глаза у нее были закрыты, и она пыталась показать им всем, как сильно старается не плакать.

– Со мной все в порядке. В порядке. Не трогайте меня! Я в порядке.

Она не была уверена, что кто-то протянул ей руку, но было легко представить, что это так. И еще легче было понять, что никто ей руки не протянул.

– Я устала. Я ехала несколько часов. И как только я добралась сюда, меня втянули во все это, а я жутко промокла и замерзаю, и все, чего я хочу, это принять душ, переодеться, а разбираться со всем этим можно завтра с утра!

Когда она осмелилась взглянуть на них, то увидела, что

все смотрят на нее, но ни у кого в глазах не было жалости. Одно только раздражение. Они были в ярости от того, что им снова приходится терпеть ее. Она знала, что так и будет.

– Мэв, – сказал Холлис, – нам, наверное, стоит поговорить о...

– Нет! Я слишком устала для разговоров. Не сегодня.

Она остановила себя. Нельзя полностью сломаться. Тогда они не станут ее слушать.

– Короче, вы делайте что хотите, но я сейчас не собираюсь думать об этом. Я приму душ и лягу спать, а утром мы сможем это обсудить.

Мэв собрала бумаги, которые Оливер бросил на пол, и вышла, не дожидаясь ответа. Спустилась вниз и схватила свою красную сумку. Тепло от камина было приятным, и она стояла и думала, каково это, если б она могла сунуть руки в тлеющий торф и не обжечься. Но, как и многое другое, это было невозможно.

Когда она снова поднялась наверх, оказалось, что все уже расходятся. Оливер не обратил на нее внимания и захлопнул за собой дверь в комнату номер три. Лорна встретила с ней взглядом и попыталась улыбнуться, но не смогла, и направилась в комнату номер один.

Поднимаясь по лестнице, Мэв успела заметить Элли, прежде чем та скрылась в комнате номер пять. Мэв нашла свою комнату – комнату номер четыре, и в этот момент Холлис позвал ее по имени.

– Если захочешь поговорить, я недалеко, в другом конце коридора. – Он бросил взгляд на дверь своей комнаты. – Как в старые добрые времена.

– Спасибо, Холлис. Правда, спасибо.

Она осталась одна в коридоре, представляя, как Каллум машет ей рукой на прощание и исчезает за дверью, как и все остальные. Но это невозможно. И причина, по которой это невозможно, была именно той причиной, по которой их всех собрали здесь.

45 минут назад

Щетки металась по стеклу, не успевая за хлещущим дождем. Навалившись грудью на руль, Мэв напряженно смотрела вперед, пытаясь понять, какой дорога будет дальше. Изначально она рассчитывала попасть на остров раньше, при дневном свете, но ей пришлось сесть на более поздний паром. Темнота усилила ее страх настолько, что ее трясло, хотя она знала, что должна чувствовать себя счастливой. Это то, чего она хотела годами. По крайней мере, половину своей жизни. Все будет просто идеально. Все будет в порядке.

Кроме того, что, конечно, так не будет. Потому что когда это она получала то, чего хотела?

– Нет, – проговорила она. – Эти выходные посвящены переменам. Помнишь? Позитивные мысли. Позитивные мысли. Позитивные мысли.

Звякнул телефон, но она поборола желание посмотреть

сообщение.

Он звякнул снова. Мэв постучала пальцами по рулю.

– Ты почти на месте. Можешь подождать еще пять минут, прежде чем проверять чертов телефон.

Она упорно смотрела на дорогу, отсчитывая секунды.

– Видишь? Нет ничего такого срочного, что не может...

Телефон звякнул в третий раз.

Мэв схватила его и проверила текстовое сообщение. И подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть впереди внедорожник. Она резко вывернула руль вправо. Машину занесло на мокрой дороге и развернуло на 180 градусов.

Несколько секунд Мэв слышала только собственное дыхание.

Когда к ней наконец вернулась способность соображать, она посмотрела на телефон и попыталась набрать «ОК!», но пальцы не слушались, и она нажала не на те буквы.

Сообщение не стерлось.

– Видишь? Позитивные мысли.

Она улыбнулась, поцеловала телефон и бросила его на пассажирское сиденье.

Появившийся поворот приглашал свернуть, огни дома манили, обещая тепло, общение, перемены. Все это ожидало ее. Все – для нее. Но когда она припарковала машину, дождь пошел сильнее, и заставить себя открыть дверь было выше ее сил.

– Все в порядке. – Мэв закрыла глаза, словно читала мо-

литву. – Ты хороший человек. Ты нравишься людям. Тебе нечего доказывать. Ты...

Она забыла следующую фразу и достала из кармана ламинированные карточки-подсказки.

«Ты хороший человек», – прочитала она и перешла к следующей карточке.

«Ты нравишься людям».

Ну, некоторым людям, иногда, предполагаю.

«Тебе нечего доказывать».

Что не очень-то приятно, не так ли? Если тебе нечего доказывать, разве это не значит, что у тебя нет ничего стоящего, что нужно доказывать? Надо бы поговорить с ней об этом.

Так. «Ты можешь достичь всего, что задумываешь. Чего бы ты ни захотела».

Мэв посмотрела на дом, как будто его спокойствие могло каким-то образом передаться ей. Она впитывала каждую мелочь – каждое окно, каждую черепицу. Дом укроет ее. Защитит.

Ты хороший человек. Ты нравишься людям. Тебе нечего доказывать. Ты можешь достичь всего, к чему стремишься.

Она спрятала карточки в карман. А если не сможешь, запришь в своей комнате и не выходи оттуда до конца выходных.

С сумкой в одной руке и телефоном в другой Мэв выскочила из машины под проливной дождь. Куртку она повесила на руку, решив, что добежит и так.

Второпях она уронила сумку, а затем, поднимая ее, уронила ключи. С курткой тоже не повезло – зацепилась за какой-то куст у входа и упала прямо в лужу.

Когда она наконец ввалилась в пустой холл со всеми своими вещами, волосы и одежда под проливным дождем промокли насквозь.

– Эй, есть кто? Господи, я вся мокрая. Эй? Ой, черт...

Сумка выскользнула из мокрой руки, и Мэв бросила ее.

– Эй, там? Мне надо зарегистрироваться. Надеюсь, я не опоздала. Я заблудилась. Пропустила поворот раз пять, наверное.

В тишине чувствовалось какое-то ожидание, как будто предполагалось, что она скажет что-то еще. Услышав шум, доносящийся из комнаты справа, она направилась к двери. Господи, с одежды капает, обувь хлюпает. Что за впечатление она произведет, подумала Мэв и открыла дверь.

– Привет-привет. Извините, если помешала! Я...

Но когда она увидела всех собравшихся, единственной ее мыслью было, что вряд ли эти выходные пройдут хорошо.

Вечер пятницы / субботнее утро

3

Холлис

Кровать просела под весом Холлиса, а он все смотрел на светящийся прямоугольник своего телефона. Батарея полностью зарядилась, но сообщений не было, как не было и сигнала. Черточки в углу экрана говорили о том, что телефон подключен к *вайфаю*, но Холлис не мог получить доступ к электронной почте или Интернету. Считать ли подарком судьбы, подумал он, что у него нет возможности спросить Линду, что происходит? Что он расспросит ее позже, когда переживет эти выходные? Дочка устроила ему ловушку или она ничего не подозревала? Сможет ли он обойтись еще час без ответа?

Холлис знал, что Линда не выключает телефон по ночам. Он мог звонить и звонить, пока дочь не ответит. Он уже представлял, как она плачет, спрашивая, почему он обращается с ней как с подозреваемой. Скажет, что просто хотела сделать что-то... что-то приятное. Что она ничего не знала.

Не знала чего?

Линда и в самом деле ничего не знала ни о Колду-

элл-стрит, ни о Кэхиллском университете. Он, черт побери, уверен в этом.

Холлис сунул телефон в карман. Темное пространство комнаты перекликалось с тишиной во всем доме. Остальные спали или делали вид, что спят.

Ему хотелось вернуться домой, забыть об этих выходных, забыть, что Линда каким-то образом вовлечена в эту историю. Все, чего он хотел, – приступить к работе в понедельник в новом костюме и галстукe. Раскрывать дела, к которым он сам не имеет никакого отношения. Но конверт, лежащий на столе, напомнил ему, что если он уедет сейчас, то будущее станет невозможным.

Он встал и зашагал по комнате, набирая текст, который, как он надеялся, не прозвучит как обвинение.

Имя Каллума пробудило воспоминания, которые Холлис давно задвинул в самые глубины памяти и никогда к ним не возвращался, как задвигают папку с уликами нераскрытого дела. Теперь папка открылась, и он копался в ее содержимом. Холлис вспомнил, как Каллум мог появиться в комнате, и никто не замечал, каким образом он туда попал, несмотря на его шесть с лишним футов роста. Как он вызывался помочь с посудой после вечеринки, даже если сам в ней не участвовал. А в тот день, когда умерла бабушка и пришлось спешно уехать домой, Каллум оказался единственным *человеком* в доме. Он обнял его и сказал, что свяжется с преподавателями и достанет все нужные конспекты. Это не было

пустым обещанием. Когда Холлис вернулся на следующей неделе, Каллум положил на его стол стопку конспектов, разложенных по темам.

Холлис настойчиво пытался воспроизвести в памяти голос Каллума, но ему мешал шум дождя, шипение радиатора и шуршание мышей между стенами.

Сообщения по-прежнему не отправлялись. Он уже был готов швырнуть телефон об стену, но, подумав, сунул аппарат в карман и вышел из комнаты.

Камин внизу пылал красным светом, но торф горел без пламени. Маленькая лампа на стойке администратора слабо освещала помещение. Теперь казалось, что его шаги были единственным звуком во всем доме. Холлис остановился, безуспешно стараясь вспомнить, когда ему в последний раз доводилось находиться в такой тишине. В многоквартирном доме в Манчестере, где он жил, было так много людей, которые приходили и уходили независимо от времени суток, что он иногда чувствовал себя проводником в поезде. Здесь же он казался сам себе призраком.

Холлис зашел в салон и сел за барную стойку. Придвинул к себе бутылку «Гленливета», оставленную кем-то без присмотра, и представил себя, как он это часто делал, солидным зрелым мужчиной. Затем принялся постукивать ручкой по блокноту, верой и правдой служившему ему, когда он был патрульным. Ребята купили ему новый блокнот к первому дню работы детективом. Запакованный в пластик, он лежал

дома на столе, дожидаясь понедельника, так же как и костюм и ботинки в шкафу. На этом, старом, виднелись царапины, оставшиеся с тех пор, как они с Лэндри подрались. Внутри оставалось несколько незаполненных страниц – достаточно места, чтобы записать свои впечатления о том, что произошло в «Волчьем вереске». О Линде он побеспокоится позже. Сейчас важно распутать цепочку, которая привела его сюда.

Холлис был так сосредоточен на записях, что не заметил, как открылась дверь. Волоски у него на шее встали дыбом, и он резко обернулся.

– Прости. – Лорна прижимала книгу к груди. – Я не думала, что здесь кто-то есть. Я могу пойти в другое место.

– Все нормально.

Он кивнул на бутылку:

– Хочешь выпить?

Она колебалась, затем села, положив книгу на барную стойку.

– Нет смысла врать. Я за этим и пришла.

Несколько минут они пили в тишине, как будто кого-то ждали. Может, так оно и есть, подумал Холлис.

– Что-нибудь интересное? – Лорна кивнула в сторону его блокнота.

– Просто заметки. Пытаюсь разобрать все это на части, чтобы потом собрать все обратно.

Он постучал ручкой по бумаге.

– Не надо, прошу тебя. – Она сжала пальцами виски.

– Прости. Я понимаю, шум раздражает.

– Да нет, не в этом дело. Просто это напоминает мне слишком многое... И я начинаю чувствовать себя так, будто мы вернулись назад. Ты и я тихо сидим в гостиной. Я с книгой. Ты изучаешь свои записи, постукивая ручкой. Это чересчур тяжело. – Она посмотрела в свой бокал. – Думаешь, у нас посттравматическое стрессовое расстройство?

– Не знаю. – Холлис вспомнил кошмары, которые снились ему по меньшей мере раз в год. – Может быть.

Он положил ручку на барную стойку, взял у нее из рук книгу: «Хичкок» Трюффо.

– Разве ты не читала это в Кэхилле?

– Это даже тот же самый экземпляр. Правда, уже не так интересно, как тогда. Я избавилась от большинства своих вещей того года, но до сих пор не могу расстаться с этой книгой. Видел бы ты мою квартиру...

Она взяла у него книгу и провела ногтем большого пальца по корешку.

– Ты загибала уголки страниц, – заметил он.

– Да, возможно.

При таком освещении Лорна выглядела моложе, волосы ее были все так же подстрижены, как будто это был шлем, защищавший ее от целого мира. Но он не мог представить ее той девушкой, которой она когда-то была. Как будто перед ним была фотография, поврежденная временем. Годы нанесли слишком много шрамов. Но, в конце концов, он ви-

дел то же самое, когда смотрелся в зеркало.

– Холлис, как ты думаешь, мы заслужили это?

Как полицейский, он привык, что ему задают такие вопросы. Но не Лорна. У Лорны всегда были ответы, правильные или нет. Но не вопросы.

– Я думаю, мы были молоды и глупы. Худший вид глупости. И если бы я мог, я бы вернулся и изменил прошлое.

– Но ты не можешь.

– Да. Не могу, – отозвался он. – Так что, может быть, все плохое, что случилось с нами с тех пор, – это своего рода кармическое возмездие.

– А может быть, мы просто очень хорошо умеем делать плохие вещи.

Из последних страниц книги Лорна вытащила сложенные листочки. Сейчас они были без конверта, но он понял, что это.

– Ты расскажешь мне про свои, а я тебе – про свои.

Она протянула ему листы, но Холлис не взял.

– Секреты. Именно они привели нас к этой беде, – сказала Лорна. – Секреты только усугубят ситуацию. Чем больше света мы прольем на самих себя, на все, тем меньше у него будет власти над нами. У этого человека, кем бы он ни был.

– Список людей, которые знали, что Каллум писал письма по случаю Счастливой среды, очень короток, – заметил он.

– И еще короче список тех, кто знает, что на самом деле произошло той ночью. Я доверяла тебе тогда, Холлис. И зна-

ешь, ничего не изменилось.

Она бросила сложенные листы на стойку бара.

– Я переспала кое с кем из поступающих в университет. Так утверждается. Из тех, кого я принимала.

– Тот, с кем ты переспала, уже достиг возраста согласия?

– Да. Только не достиг, а достигла. – Лорна сделала глоток. – И такие вещи не одобряются. Но я этого не делала. Мы, возможно, немного пофлиртовали, но далеко не заходили. Тем не менее ее отец преследует меня уже не один месяц. Считает, что я, по его словам, испортила ее сексуальную ориентацию. Кто-то, должно быть, заплатил или надавил на нее, чтобы она сказала, что между нами все произошло. Такой предлог их устроит. Понимаешь, новая администрация выискивает причину, чтобы избавиться от меня. Наверное, мне по-прежнему не удастся находить общий язык с людьми.

Холлис, не читая, отодвинул бумаги. Лорна снова засунула их в книгу, и тогда он торопливо, пока не передумал, выложил то, что хотел сказать.

– Я подбросил улики подозреваемому, чтобы у меня были веские основания для обыска его машины.

– Предположительно?

В ответ Холлис отхлебнул из стакана.

– Оно того стоило?

– Это спасло жизнь.

– Ну, по крайней мере, твой поступок можно считать благородным. А я тут выступаю просто как озабоченная лесби-

янка.

Юмор не соответствовал ситуации, и Лорна это знала.

– Прости. Дрянь я, вот что, – сказала она. – Думаю, это будет конец света для меня, когда ты... Господи, ты же потреяешь все, Холлис. Ведь так?

– Не извиняйся. Конец света выглядит по-разному для разных людей. У всех нас есть свои точки невозврата.

Он допил виски и сполз с табурета, внезапно ощутив острое желание остаться одному.

– Да ладно, сиди здесь, – сказала она. – Ты же пришел первым, а я могу уйти.

– Все нормально. Я уже все допил. Читай свою книжку.

Она снова потерла пальцем переплет.

– Я никому ничего не скажу. Обещаю.

– Я думал, ты хочешь, чтобы больше не было никаких секретов, – заметил он.

– Твои секреты не мои, чтобы я их рассказывала.

Холлис еще раз посмотрел на нее. Та самая Лорна, которую он всегда помнил, с потрепанной книгой в руках, в черном свитере и с короткой стрижкой. Она права. Слишком много секретов.

– Спокойной ночи, Лорна.

Он оставил ее в салоне, а его мозг уже начал работать. Он не всегда мог контролировать эти процессы. Мозг атаковал загадку автоматически, как программа-антивирус.

Ему нужно было побыть одному, в своем личном про-

странстве, чтобы разобраться с разрозненными фрагментами мыслей. Что-то не давало ему покоя, но он не знал, что именно и почему.

Холлис все еще пытался понять, что это было, когда сообразил, что ноги несут его не наверх, в его комнату, а в комнату номер два – инсценированную комнату Каллума.

Лорна и Оливер тоже поселились на этом этаже, но Лорна осталась внизу, а из комнаты Оливера не доносилось ни звука.

Уходя, они оставили дверь комнаты открытой, ключ торчал в замке. Холлис зашел и запер дверь за собой.

После того как он посидел несколько минут в кресле, погружившись в мысли, его взгляд упал на какой-то посторонний предмет. Край фотографии зацепился за подушку дивана. Он вытащил ее.

Вот они – все шестеро – сидят на том самом диване в том самом старом доме на Колдуэлл-стрит. Какие молодые они были. И какие глупые. Он провел большим пальцем по фотографии. Рассмотрел изображение в деталях. И тогда понял. Их шестеро. Фотография заполнила пробелы в его памяти, предоставила недостающие кусочки для общей массы доказательств.

– Черт.

Он сунул фотографию в карман и вытащил телефон, но сигнала по-прежнему не было. Конечно. Его и не должно быть.

Оливер

Оливер прошелся по кухне в поисках чего-нибудь, чем можно было бы закусить выпитый виски. Бредятина полная, вот что такое вся эта ситуация.

Людам должно быть позволено совершать ошибки, думал он. Им должно быть позволено жить с этим дальше. Им должно быть позволено уехать из этого дома. Но поскольку его машина вышла из строя, единственный способ выбраться отсюда – это поймать попутку. Или взять чужую.

В кладовке он нашел сухие завтраки и вскрыл пакет с чипсами. Несколько штук упали на пол и захрустели у него под ногами. Ключи от машины Элли. Надо было стащить их, ведь была такая возможность. Они лежали прямо там, на ее столе, на ворсистом розовом брелке. Соль и уксус жгли ему губы.

Господи, как она роскошно выглядит. Он сам, возможно, набрал фунт-другой, но Элли... Под одеждой ему все равно была видна ее фигура. Он едва руки мог удержать в карманах. Но он умеет себя контролировать. И совершенно ясно, что она должна быть на его стороне. Раньше их всех было так легко привлечь на свою сторону. Улыбнуться Элли, пожать руку Холлису, подмигнуть Мэв. Лорна... Ну, ее просто нужно было оставить в покое. Каллум, однако, был загадкой. Он, должно быть, сделал что-то правильное, потому что зачем бы еще Каллум принес ему люкозейд и парацетамол после

никакой работы. Никакой карьеры. Никакой семьи. Даже собаки нет. Ничего, что помогло бы заглушить воспоминания о неловком, долговязом парне, который вился вокруг нее, как заблудившийся щенок. Мэв придумала тогда множество оправданий, почему они не подходили друг другу. Он слишком высокий. Помешан на своей камере. Он не умел играть на гитаре и не умел петь – и как же он мог сделать ей предложение, исполнив собственную песню о любви перед незнакомыми людьми в снегопад в Гайд-парке? Он просто по-глупому влюбился в нее, вот и все. А она не любила его, он ей даже не нравился, сколько бы он ни старался встретиться с ней, чтобы спросить, как дела, или оставить голубенькую записочку у нее под дверью. Тогда дело было не в Каллуме. Речь шла о выживании. Она никогда не думала, что ей доведется снова пережить эти события. Тем не менее она здесь. Глупость это, адреналин или недостаток витаминов, вызванный постоянным употреблением доритоса и фанты, но, вытирая полотенцем голову, она поняла, что больше не боится никого из них.

Лорна

Смысл слов на странице не доходил. Фразы смешивались в голове, словно она пыталась читать на иностранном языке. На заднем плане пульсировал один вопрос, и, становясь все громче, он стал в конце концов единственной мыслью

в ее голове: что ты вообще здесь делаешь? Сидеть в комнате рядом с комнатой Каллума, которую они решили считать его комнатой, и не думать о доме номер 215 оказалось трудно. Там, на Колдуэлл-стрит, у нее с Каллумом тоже была общая стена. Она помнила серый ковер с коричневым пятном и плакат комик-группы «Монти Пайтон», висевший над его столом. И фотографии, много фотографий: его дома и домашних, Лондона, их пятерых. Каллум наклеивал фото клеем прямо на стены, хотя Элли предупреждала, что за испорченные обои ему могут не вернуть залог. Лорна закрыла глаза, и ей показалось, что она слышит музыку из его магнитофона, проникающую во все уголки дома. Обычно это был гранж. *Nirvana, Bush, Stone Temple Pilots.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.